Библіотека
Гидрографич. Экспедиціи
Вост.-Сиб. р-на Сѣв.
Ледовитаго Океана
№ 8

В. И. Іохельсонъ

ПО РѢКАМЪ ЯСАЧНОЙ и КОРКОДОНУ

ДРЕВНІЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ЮКАГИРСКІЙ БЫТЪ И ПИСЬМЕНА.

(Съ приложеніемъ карты маршрутовъ, образцовъ рисунковъ юкагирскихъ письменъ и снимковъ типовъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1898.

ПРОВЕРЕНА
1954 г.

Акт № 2

ПРОВЕРЕНА-58

Проверено-85

Отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій“ И. Р. Г. О. вып. III. 1898 г.

Индекс	М.2		Шифр хранения
Авторский знак	З-И.75-П		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Тип. Военмориздата. Зак. 1453—150000

Библіотека
Гидрографич. Экспедиціи
Вост.-Сиб. р-на Сѣв.
Ледовитаго Океана
№ 8

По рѣкамъ Ясачной и Коркодону.

ДРЕВНІЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ЮКАГИРСКІЙ БЫТЪ И ПИСЬМЕНА.

Д. чл. В. И. Іохельсона.

Читано въ засѣданіи Отд. Этнографіи Имп. Р. Г. О. 16-го Января 1898 г. и, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, въ Общемъ Собраніи Членовъ Восточ. Сиб. Отдѣла Имп. Р. Г. О. 17 Ноября 1897 г.

М.2
И-75-П
инв.
68484

I.

По порученію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и въ качествѣ члена Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова, я изучалъ инородцевъ сѣверныхъ округовъ Якутской области. Исходнымъ пунктомъ для путешествія на крайній сѣверъ служилъ г. Якутскъ и путь на р. Колыму лежалъ черезъ г. Верхоянскъ. Область р. Колымы я объѣздилъ въ разныхъ направленіяхъ. Крайнимъ сѣв.-восточнымъ пунктомъ, посѣщеннымъ мной, является Анюйская крѣпость на р. Маломъ Анюѣ, крайнимъ юго-восточнымъ пунктомъ была р. Разсоха, п. притокъ р. Коркодона, впадающаго въ Колыму справа. Обратный путь изъ Колымскаго округа я совершилъ по тундрѣ черезъ устья рр. Индигирки, Яны и Лены и по р. Ленѣ въ Якутскъ [1]).

Ни въ одномъ изъ уголковъ Азіатской Россіи мы не видимъ такой смѣси разнообразныхъ осколковъ всевозможныхъ племенъ, какую встрѣчаемъ въ Колымскомъ округѣ.

[1]) Подробныя свѣдѣнія о произведенныхъ авторомъ работахъ см. Извѣстія В. С. Отд. И. Р. Г. О. Томъ XXIX 1898 г. № 1 въ ст. «Предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ инородцевъ сѣверныхъ округовъ Якутской области», читанный въ зас. Отдѣла 6-го Окт. 1897 г.; данныя же о результатахъ Якутской экспедиціи вообще изложены въ составленной г. Правителемъ дѣлъ В. С. Отдѣла В. А. Обручевымъ «Программѣ изданія трудовъ Якутской экспедиціи. Иркутскъ 1897 годъ».

Прошлое и первобытный строй однихъ—связаны съ востокомъ, съ бытомъ и нарѣчіями племенъ сѣв.-восточныхъ береговъ Азіи и сѣверо-западныхъ Америки; таковы: чукчи, коряки, чуванцы и юкагиры. Другія же—мѣстомъ своего происхожденія должны считать страны, лежащія къ югу и юго-западу—области рѣки Амура и центральной Азіи; таковы: тунгусы, ламуты и якуты.

Всѣ эти малочисленные остатки древнихъ народностей и пришлые обломки новѣйшихъ племенъ въ одномъ мѣстѣ настолько смѣшались, что образуютъ теперь одно цѣлое, со смѣшанными обычаями и преобладаніемъ чертъ то одной, то другой народности; въ другомъ мѣстѣ остатокъ древняго племени въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, окруженный другими племенами съ особыми нарѣчіями, иными обычаями и инымъ образомъ жизни, отлично сохранилъ для этнологіи древній языкъ, старинныя преданія и архаическія формы быта.

Къ такимъ живымъ свидѣтелямъ старины относятся остатки юкагирскихъ родовъ по рѣкамъ Ясачной и Коркодону. Къ нимъ прежде всего долженъ направиться изслѣдователь, желающій узнать что либо о первобытной жизни одного изъ древнихъ племенъ края.

Юка́гиръ, судя по окончанію, тунгузское слово. Корень слова jyka означаетъ по юкагирски далеко. Юкагиры не знаютъ кто и почему ихъ окрестили этимъ именемъ. Сами себя они называютъ одулъ.

О прежней многочисленности юкагировъ существуютъ различныя преданія. «Юкагирскихъ огней было такъ много, какъ звѣздъ на небосклонѣ въ ясную ночь. Перелетныя птицы исчезали въ дыму юкагирскихъ очаговъ, и сѣверное сіяніе было отраженіемъ ихъ многочисленныхъ костровъ».

Колымскіе якуты и теперь называютъ сѣверное сіяніе юкагирото, т. е. юкагирскій огонь.

Наконецъ юкагиры увѣрены въ томъ, что первые русскіе піонеры привезли къ нимъ оспу, въ образѣ дьявольской дѣвки, чтобы убавить ихъ численность, иначе русскіе не справились бы со столь многочисленнымъ и воинственнымъ племенемъ [1]).

[1]) По другому варіанту духъ оспы русскіе привезли на Колыму въ желѣзномъ ящикѣ; когда юкагиры были собраны на устьѣ Омолона, ящикъ былъ открытъ и воздухъ наполнился дымомъ, отъ котораго народъ валился. Многіе умерли на плотахъ, которые теченіемъ рѣки были унесены въ океанъ.

Но я позволяю себѣ думать, что юкагировъ никогда не было много, да и по условіямъ быта они не могли быть многочисленны. Тѣмъ не менѣе надо замѣтить, что теперь нѣкоторые роды совершенно вымерли.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію современнаго быта Верхнеколымскихъ юкагировъ, я постараюсь на основаніи текстовъ, устныхъ преданій и современныхъ пережитковъ первобытнаго строя обрисовать древній юкагирскій бытъ, какимъ онъ былъ до столкновенія юкагировъ съ русскими.

Эпическія сказанія чукочъ рисуютъ ихъ народомъ не оленнымъ, а морскимъ. Относительно древнихъ юкагировъ можно съ бо̀льшей увѣренностью сказать, что это былъ народъ не оленный. Если древніе чукчи были народомъ морскимъ, береговымъ и островнымъ, то юкагиры были континентально-рѣчнымъ народомъ крайняго сѣв.-востока Азіи. Рѣки имъ служили источниками для питанія и путями для кочевокъ. Домашними животными у этого рѣчного народа были только собаки. Домашній олень пришелъ на крайній сѣверъ изъ болѣе южныхъ мѣстъ и юкагирскіе роды, ставшіе впослѣдствіи оленеводами получили, надо полагать, оленя отъ тунгусовъ. По всѣмъ рѣкамъ, начиная съ Яны, Индигирки, Алазеи и кончая Колымой съ ея притоками, жили юкагирскіе роды. Это были территоріальныя группы, состоявшія изъ составныхъ семей и лицъ, связанныхъ кровными узами, но доступъ въ нихъ для чужеродцевъ, на правахъ родственниковъ, былъ необыкновенно легокъ.

Каждая территоріальная группа носила названіе той рѣки, которую занимала. Такимъ образомъ были алаjі, омолондзі, ӧнмундзі, конгіінӓдзі, хорходонзі и т. д., т. е. жители рѣкъ Алазеи, Омолона, Колымы, Конгііна и Коркодона. Конгііна есть притокъ Омолона, а суффиксъ дзі, потерявшій въ обще-юкагирскомъ языкѣ значеніе отдѣльнаго понятія, сохранился еще въ тундренномъ нарѣчіи какъ самостоятельное слово, означающее—люди. Хорходондзі, конгіінӓдзі или конгіінидзі значитъ люди съ Коркодона и Конгііна. Такимъ образомъ басня объ исчезнувшемъ загадочномъ племени Конгіенисовъ, упоминаемомъ нѣкоторыми писателями, объясняется весьма просто: конгіениси были юкагиры съ рѣки Конгііна, а не особое племя.

— За что ты насъ убиваешь? спросили русскаго начальника юкагирскіе старики.

— Чтобы убавить ваше число, васъ больно много, отвѣтилъ онъ.

Соціальный строй древнихъ юкагировъ былъ весьма простъ и первобытенъ. Ихъ общественную организацію можно разсматривать какъ зачаточную ступень въ прогрессивномъ развитіи формъ общежитія. Общественныя отношенія древнихъ юкагировъ не только не носили характера политической группы, но исключали всякого рода власть. То ничтожное значеніе и вліяніе, которыя теперь имѣютъ ихъ князцы, т. е. выборные старосты, привито имъ русскими. Предводители казачьихъ командъ не могли имѣть переговоровъ съ неопредѣленными и расплывчатыми группами лицъ. Они спрашивали у юкагировъ: «Гдѣ ваши начальники?» и имъ выставляли стариковъ или богатырей. Въ глазахъ представителей русской власти послѣдніе являлись отвѣтственными за дѣйствія другихъ лицъ или цѣлыхъ группъ. Они отвѣчали за ясакъ. А между тѣмъ внутри своей соціальной группы они не имѣли того значенія, которое имъ приписывали русскіе — значенія начальниковъ. Это явилось источникомъ многихъ недоразумѣній. Слово анідзä, которымъ теперь юкагиры называютъ своихъ князцовъ, имѣетъ своимъ корнемъ ат, слово выражающее понятіе силы, крѣпости, а не власти. Другое названіе Князцовъ или старость — чомоджäлъ равносильно русскому слову большакъ.

Однако, не смотря на отсутствіе власти, нѣкоторыя лица внутри составной семьи, рода или территоріальной группы пользовались особыми прерогативами и вся жизнь члена рода была связана рядомъ предписаній и правилъ поведеній, составляющихъ цѣлый кодексъ. Обычай неговоренія между собой цѣлыхъ группъ родственниковъ надо отнести къ семейному праву юкагировъ. Этотъ обычай, надо полагать, предупреждалъ половыя сношенія среди извѣстныхъ степеней родства, но обычай въ видѣ почета обращаться другъ къ другу во множественномъ числѣ, обычай называемый Н'äхоміäнгі, т. е. другъ друга почитать, также щадить, уже относится къ общественнымъ нравамъ и весьма напоминаетъ обычай европейскихъ народовъ говорить въ видѣ почета «вы». Весьма интереснымъ является обычай, что дѣвушка не должна смотрѣть на слѣдъ брата, ушедшаго на охоту и не ѣсть извѣстныхъ частей убитаго имъ животнаго. Выходя изъ дому въ то время, когда братъ промышляетъ, она должна смотрѣть въ землю и никогда не должна говорить и разспрашивать о промыслѣ. Но этотъ обычай уже носитъ религіозный характеръ, будучи связанъ съ культомъ животнаго.

Типичнымъ же для первобытнаго строя юкагировъ является противоположеніе между собою, мужчинъ и женщинъ, какъ двухъ отдѣльныхъ группъ. Это проглядываетъ въ играхъ, въ которыхъ мужчины и женщины составляютъ 2 враждебныхъ партіи, въ языкѣ, нѣкоторые звуки котораго произносятся женщинами отлично отъ мужчинъ, въ томъ, что для женщинъ родство по матери важнѣе, а для мужчины родство по отцу, и въ той спеціализаціи занятій между полами, которая создала для каждаго изъ нихъ особую и самостоятельную сферу дѣятельности.

Женщина—хранительница домашняго очага, она разбираетъ и перевозитъ урасу, она вновь ставитъ кожанный домъ на указанномъ старшимъ въ семьѣ мѣстѣ, она отправляется за убитымъ промышленникомъ животнымъ (надо замѣтить, что послѣднее должны дѣлать только замужнія женщины), она дѣлитъ мясо и шкуры; она, до прихода въ край русскихъ, колола дрова каменнымъ топоромъ и въ продолговатыхъ берестяныхъ коробицахъ, называемыхъ піга, кипятила воду при помощи раскаленныхъ камней. Она занималась натуральнымъ огородничествомъ, собирая въ осеннее время на зиму ягодъ; весной вялила на солнцѣ для лѣта лишнее мясо, а лѣтомъ для зимы—добываемую промышленникомъ рыбу. Главной распорядительницей является старшая въ родѣ или жена лучшаго промышленника. Женщина занимается воспитаніемъ дѣтей. Но сыновья, которые начали владѣть лукомъ, переходятъ въ мужскую группу, оставивъ интересы женской половины и проводя большую часть времени внѣ дома. Съ періодомъ возмужалости юноша обыкновенно совсѣмъ оставляетъ материнскій домъ и въ качествѣ зятя поселяется въ другой семьѣ. Если въ послѣдней нѣтъ старшихъ мужчинъ, онъ на правахъ кровнаго родственника становится ея защитникомъ.

Занятіями мужчины была охота и война. Въ рядахъ мужской группы выдѣляются слѣдующія лица:

Старикъ—лігäjä шоромохъ. Это старшій въ родѣ. Онъ назначаетъ время для кочевокъ и мѣсто для стоянки. Онъ руководитъ охотой и войной. Въ указанныхъ отношеніяхъ его наставленія безпрекословно исполняются женской и мужской группами, въ сферѣ же другихъ вопросовъ его компетенція ничтожна.

Тönбäjä шоромохъ—сильный человѣкъ, юкагирскій богатырь. При нападеніи одного племени на другое побѣда весьма часто рѣшалась единоборствомъ двухъ богатырей. Вообще извѣстно,

что охотничьи племена воинственны и храбры, но юкагирскіе сильные люди славились на всемъ сѣв.-востокѣ силой и ловкостью. По сохранившимся преданіямъ одинъ юкагирскій богатырь могъ сражаться съ цѣлымъ войскомъ непріятелей. Онъ уворачивался отъ тысячи стрѣлъ и направленныя въ него копья попадали въ пустое мѣсто или кололи самихъ непріятелей. Сражаясь съ войскомъ, онъ то бросался въ непріятельскую толпу, то ловкимъ прыжкомъ поднимался надъ толпой и, бѣгая по непріятельскимъ головамъ какъ по тундреннымъ кочкамъ поражалъ враговъ, пока они не попросятъ пощады. Лукъ tönbäjä шоромохъ былъ слабый, чтобы легко и скоро его можно было натягивать; два колчана на спинѣ были полны стрѣлъ изъ оленьихъ костей; копье его, човінä, на березовомъ древкѣ состояло изъ ребра сохатого. Поверхъ обыкновенной одежды онъ носилъ костяной лäбулъ, родъ брони, изъ оленьихъ роговъ, нанизанныхъ на жилахъ лося.

Въ цѣляхъ воспитанія воиновъ юноши проходили довольно суровую военную школу. Это называлось Кічіл, что собственно значитъ—наука, ученіе. Юношу ставили въ открытомъ мѣстѣ и одновременно съ 4-хъ сторонъ метали въ него тупыя стрѣлы, отъ которыхъ онъ долженъ былъ уворачиваться; или ставили его на четверенкахъ, такимъ образомъ, что одна нога закидывалась за другую и руки сцѣплялись пальцами, два человѣка раскачивали на веревкахъ, низко къ землѣ, тяжелое бревно, и юноша долженъ былъ, не размыкая рукъ и ногъ, пропускать подъ себя бревно, то поднимаясь въ воздухъ, то опускаясь на землю. Это упражненіе которое могло раздробить юношѣ руки и ноги, называлось чäбілбудіjä мänмäгäл (черезъ бревно скачекъ). Молодыхъ людей учили попадать въ цѣль, умѣнію быстро оставлять свое мѣсто пустымъ и перепрыгивать черезъ стоячихъ людей, не задѣвая ихъ.

Главными врагами юкагировъ, согласно преданіямъ, были коряки и ламуты. Съ ламутами битвы были до того ожесточенны, что не щадили даже женщинъ. Съ чукчами они не воевали, ибо считались родными братьями, послѣ убійства которыхъ солнце должно было померкнуть. Въ одномъ преданіи разсказывается какъ чукчи въ войнѣ съ чуванцами убили, по невѣдѣнію, юкагира, въ качествѣ зятя жившаго у чуванцевъ и обязаннаго по обычаю защищать домъ тестя. Когда чукчи, раздѣвая трупъ, по поясу, который юкагиръ носитъ особеннымъ образомъ, узнали, что это былъ юкагиръ, они взвыли и съ воплями обратились къ

солнцу: «смотри, солнце, что мы сдѣлали: мы брата убили; развѣ у чуванцевъ могутъ быть такіе сильные люди?»

Въ тѣ варварскія времена, когда люди искали другъ друга съ тѣмъ, чтобы убивать, воинъ, сильный человѣкъ, богатырь былъ необходимымъ членомъ каждой общественной группы, защитникомъ которой онъ являлся. Тönбäjä шоромохъ постоянно былъ на сторожѣ, сонъ его былъ чутокъ, оружіе всегда было при немъ и ложился онъ не раздѣваясь, ибо врагъ былъ коваренъ: онъ подкрадывался ночью и, протыкая костянымъ копьемъ кожанный домъ, убивалъ сонныхъ людей.

Если для безопасности группы вырабатывался сильный воинъ, то для обезпеченія ея существованія необходимъ былъ ловкій охотникъ-промышленникъ, хангічä. Воинъ и охотникъ по большей части совмѣщались въ одномъ лицѣ, но въ нѣкоторыхъ преданіяхъ ихъ описываютъ отдѣльно.

Чтобы жить, необходима ѣда. Въ полярномъ климатѣ ее не собираютъ на поляхъ и не срываютъ съ деревьевъ. Тамъ ѣда плаваетъ въ рѣкахъ или ходитъ по лѣсу, и не легко дается человѣку. Рыбу юкагиры промышляли тальниковыми неводами, мордами особаго устройства, похожими на лежачія корзины, и перегораживаніемъ рѣкъ. Но рѣки замерзаютъ въ сентябрѣ и вскрываются въ концѣ мая. Подледнаго промысла древніе юкагиры не знали, сѣтей не было. Въ теченіи 9 мѣс. они находились въ зависимости отъ лебіенпогиля, т. е. хозяина земли и его многочисленныхъ подчиненныхъ духовъ—пäджул'овъ, въ распоряженіи каждаго изъ которыхъ находится тотъ или иной видъ животнаго, а затѣмъ—отъ искусства охотника. Между древнимъ полярнымъ охотникомъ и теперешнимъ промышленникомъ большая разница. Древній юкагиръ занимался «мясной» охотой. Нижне-колымскіе и тундренные юкагиры жили главнымъ образомъ оленемъ, верхне-колымскіе—лосемъ. Эти же животныя давали шкуры на одежды. Мѣхами, извѣстными подъ именемъ пушнины, они не особенно интересовались. Лисицу, соболя, бѣлку они промышляли случайно; шкуры ихъ женщины носили въ видѣ украшеній, а мясомъ ихъ только во время голодовокъ не брезгали. Кто путешествовалъ въ полярныхъ странахъ тотъ знаетъ, что мѣха дорогихъ пушныхъ звѣрей меньше грѣютъ и хуже защищаютъ отъ вѣтровъ, чѣмъ мѣхъ оленя. Вся забота промышленника, хангічä, состояла въ добываніи мяса — чул. Такъ юкагиры называютъ тушу убитаго животнаго. Хангічä долженъ былъ бродить, чтобы

найти слѣдъ лося или оленя, потомъ «гнать» этотъ слѣдъ и настигши животное, такъ незамѣтно, къ нему подойти, чтобы, безъ промаха послать смертельную стрѣлу. Тутъ кончаются обязанности промышленника. Онъ отправляется въ стойбище и по его слѣду замужнія женщины ѣдутъ на собакахъ за мясомъ и потомъ дѣлятъ между отдѣльными домами. Мужчины, особенно самъ промышленникъ, не вмѣшиваются въ это. Его дѣло только убивать. Тудäлъ кудäдämъ jäншоромопулъ лijiнгамъ т. е. онъ убиваетъ, другіе люди имѣютъ. Во время удачной охоты, когда мяса было много, его рѣзали на ломтики, вялили на солнцѣ и клали въ запасъ на висячихъ мосткахъ, напоминающихъ свайныя постройки. Но вотъ хангiчä бродитъ и не находитъ слѣда, или звѣрь отъ него уходитъ. Хангiчä человѣкъ съ сердцемъ, т. е. съ хорошимъ бѣгомъ. Сердце и бѣгъ синонимы—чубоджä. Онъ сотни верстъ кругомъ обѣгаетъ на лыжахъ. День и ночь бѣжитъ, ибо дома его лäпул, т. е. его кровь, его родня, сидитъ безъ ѣды. Глаза его, не зная сна, вваливаются, ротъ высыхаетъ, губы трескаются и «сердце дѣлается маленькимъ». Онъ теряетъ силу, ложится и тогда начинается голодъ...

Неудивительно, что при столь трудныхъ и главное случайныхъ условіяхъ добыванія средствъ существованія устанавливается культъ ѣды. Впрочемъ, слѣды такого культа встрѣчаются еще и у насъ. Народъ считаетъ за грѣхъ садиться на столъ, на которомъ ѣдятъ, или бросать хлѣбъ на полъ. Но въ полярномъ климатѣ рядомъ съ культомъ ѣды, лäгулъ, выдвигается культъ одежды—нiäр, ибо тамъ такъ-же легко замерзнуть на морозѣ, какъ умереть отъ голоду. Возгласы лäгул и нiäръ занимаютъ очень видное мѣсто въ образцахъ народной словесности и, такъ какъ то и другое получается отъ однихъ и тѣхъ же животныхъ, то обожаніе переносится на послѣднихъ, такъ что охота носитъ какой-то религіозный характеръ. Между охотникомъ и животнымъ существуетъ таинственная связь. Если животное «не любитъ» охотника, онъ его не убьетъ. Это довольно любопытный типъ любви—отдавать себя на съѣденіе. Но духъ покровитель животнаго—пäдзул, снисходительно относящійся къ охотнику, убивающему животное для ѣды, возмущается заносчивостью человѣка, когда онъ убиваетъ лишнее, «по пустому». Тогда пäдзул уводитъ животное подальше отъ неразумнаго охотника. Исчезновеніе въ Верхнеколымскомъ районѣ лося юкагиры объясняютъ тѣмъ, что разъ весной они убили столько ло-

сей, что не были въ состояніи вывезти мясо на рѣку и оно сгнило въ полѣ, заражая воздухъ на далекое разстояніе. На слѣдующій годъ ни одного лося не стало. Въ старину культъ животнаго требовалъ жертвоприношеній да и теперь встрѣчаются ихъ пережитки въ видѣ подарковъ приношеній духамъ, а по разсказамъ культъ этотъ раньше не обходился безъ человѣческихъ жертвъ. Позволю себѣ тутъ привести по этому предмету дословный переводъ весьма любопытнаго преданія, разсказаннаго мнѣ Коркодонскимъ юкагиромъ Николаемъ Самсоновымъ, по прозвищу Нельбошъ.

«Наши древніе люди многочисленный народъ былъ. Одинъ-человѣкъ-промышленникъ лося убилъ. Жена его отправилась за мясомъ. У того человѣка была младшая сестра-дѣвушка. Она тоже хочетъ идти, говоритъ: «Я тоже пойду». Мать ея сказала: «Не ходи». Но когда невѣстка ея ушла, она тайкомъ побѣжала за ней. До мяса дошли. Упомянутая дѣвушка смела съ мяса снѣгъ. Сметавши снѣгъ лося открыла, самую голову лося открыла. Потомъ смотрѣть стала. Когда она увидѣла черноту подъ глазами [1]), она внутри себя подумала: «Когда мой старшій братъ за нимъ гнался, преслѣдовалъ, на сердцѣ у него (т. е. у лося) худо стало, оттого, видно, плакать сталъ, думая: вотъ смерть моя пришла».—Домой пошли. Привезли мясо. Съ тѣхъ поръ промышленникъ ничего не сталъ убивать. Такъ будучи, голодать стали. Тотъ, лосей убивающій человѣкъ, постоянно бродя, обезсилѣлъ, слегъ. У людей шаманъ былъ. Заставили его шаманить, говоря: «Посмотри, узнай: отчего мы такими стали?» Шаманъ ихъ сказалъ: «Та дѣвушка вотъ какъ про себя думала: «Когда мой старшій братъ его убивалъ, слезы изъ глазъ его потекли». Люди сказали: «Намъ теперь что же дѣлать?» шаманъ отвѣтилъ: «Ту дѣвушку повѣсьте, одну суку-собаку къ ней присоедините, одного самца-собаку—пусть трое будутъ, всѣхъ вмѣстѣ повѣсьте. Развѣ тогда только лучше станетъ». Посовѣтовались. «Такъ и сдѣлаемъ, сказали, одна баба помретъ ничего не значитъ, всѣ мы здѣсь помремъ, вотъ это худо будетъ». Немедленно повѣсили. На завтра встали—тотъ шаманъ говоритъ: пусть одинъ человѣкъ отправится (т. е. на охоту). Полдень еще не наступилъ, какъ человѣкъ вернулся, лося убивши. Съ тѣхъ поръ снова стали убивать звѣрей, съ тѣхъ поръ поправились».

Такимъ образомъ духъ лося былъ умилостивленъ, но чѣмъ.

[1]) Обыкновенно кожа внутреннихъ угловъ глазъ у животныхъ имѣетъ болѣе темную окраску, точно слѣды слезъ.

спрашивается, дѣвушка, открывшая голову лося и пожалѣвшая его слезы могла оскорбить его духъ?

Въ охотничьемъ быту хорошій промышленникъ первое лицо. Это хорошій человѣкъ—омочä шоромохъ. Плохой охотникъ—худой человѣкъ. Худой и непромышленный—синонимы. Хорошій промышленникъ страдаетъ и мучается за всѣхъ, но за то его урасу ставятъ впереди другихъ и его бабы руководятъ дѣлежомъ пищи.

Такъ древній юкагиръ, постоянно готовый отражать нападеніе, самъ нападающій на враждебныя племена и неувѣренный въ завтрашнемъ днѣ, кочевалъ съ мѣста на мѣсто.

Колымскіе юкагиры зимой расходились по всѣмъ притокамъ Колымы и, доходя до самихъ вершинъ, питались охотой до рѣколома.

Порядокъ кочевокъ во время охоты былъ таковъ. Впереди, на лыжахъ, отправляются всѣ мужчины, владѣющіе лукомъ, имѣя во главѣ «старика», т. е. старшаго въ семьѣ-родѣ. За нимъ шелъ хангічä—главный промышленникъ; сзади—рядовые люди. Найдя слѣдъ лося или оленя, старикъ «гонитъ» этотъ слѣдъ. За нимъ слѣдуютъ другіе. Хангічä не торопится, онъ разминаетъ ноги, расправляетъ и прочищаетъ легкія. Но вотъ старикъ устаетъ и пропускаетъ впередъ хангічä и остальную молодежь, изъ которой въ этихъ экскурсіяхъ вырабатываются будущіе промышленники. Но хангічä со всѣмъ сердцемъ побѣжалъ, опередилъ всѣхъ, нашелъ звѣря, убилъ его и всѣ остальные, худые люди, застаютъ уже хангічä отдыхающимъ на снѣгу.

Въ это время женщины снимаютъ урасы, складываютъ на нарты весь свой скарбъ, сажаютъ малолѣтнихъ дѣтей и больныхъ, и отправляются по слѣду охотниковъ.

Женщины и дѣвушки въ лямкахъ вмѣстѣ съ собаками тянутъ нагруженныя нарты. Другія подталкиваютъ. Но вотъ доѣзжаютъ до мѣста, гдѣ «старикомъ» поставленъ знакъ для стоянки—небольшой остовъ урасы изъ маленькихъ палочекъ—и женщины останавливаются, ставятъ урасы и ждутъ возвращенія промышленниковъ. Женскій поѣздъ называется мідочä отъ слова мідол—дневной переходъ. Промышленники идутъ туда, куда ихъ ведетъ слѣдъ звѣрей, поднимаются на хребты и скалы и спускаются въ ущелья при помощи особой палки jäріджä. Мідочä и зимой держится рѣкъ, на берегу которыхъ ставятъ свою

коническую урасу. По временамъ только женщинамъ приходится переходить волокъ или перевалить хребетъ, чтобы изъ одной рѣчки попасть въ другую.

Какъ только рѣки вскрывались, юкагиры дѣлали легкія лодочки—вѣтки, строили большіе плоты—міно, и съ вершинъ всѣхъ рѣчекъ спускались на рѣку Колыму. Порядокъ кочевки такой же, какъ и зимой. Промышленники впереди въ легкихъ вѣткахъ изъ тополевыхъ досокъ, съ двулопастнымъ весломъ, высматривали птицу, оленя. въ удобныхъ мѣстахъ ставили на рыбу верши и назначали мѣсто, гдѣ мідочä, т. е. плоты съ семействами, должны остановиться. Древне-юкагирскій плотъ, міно, замѣнявшій теперешнюю лодку—карбасъ, состоялъ изъ бревенъ, связанныхъ талинами, и имѣлъ форму треугольника, вершина котораго образовала носъ примитивнаго судна, а основаніе—корму. На этомъ треугольникѣ на особомъ возвышеніи помѣщалась семья промышленника со всѣмъ хозяйствомъ.

Міно управляется двумя или четырьмя веслами. Въ настоящее время міно сохранилось еще во 2-мъ Омолонскомъ родѣ по среднему теченію р. Омолона.

Такимъ образомъ юкагирскіе роды со всѣхъ притоковъ Колымы какъ съ отдѣльныхъ вѣтвей спускались въ главную артерію—въ р. Колыму. Вода связывала отдѣльныя части этого рѣчнаго племени. На Колымѣ, въ извѣстныхъ мѣстахъ, называемыхъ Шахадзібä или Гододжалъ, т. е. мѣсто для собранія или для игръ, съѣзжался въ концѣ іюня первобытный юкагирскій флотъ изъ многочисленныхъ міно и вѣтокъ. Шахадзібä носили характеръ сборищъ древнихъ славянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «игрищъ межъ селъ». На шахадзібä этотъ удивительно жизнерадостный полярный народъ проводилъ время въ пѣніи, пляскахъ, играхъ и состязаніяхъ. Шаманы производили камланія, приносили жертвы духамъ, хангічä разсказывали о промыслѣ, воины о военныхъ подвигахъ, а молодежь обоего пола не пропускала случая пользоваться молодостью.

Но если весенній промыселъ лосей или оленей былъ плохъ, если была голодовка, то мужчины-промышленники до того ослабѣвали, что не бывали въ силахъ строить судовъ (міно) и шахадзібä были малолюдны. Голодавшій родъ не спускался со своей рѣчки, члены его болѣли и умирали, а матери убивали своихъ дѣтей...

Въ одномъ преданіи разсказывется трогательная исторія голодавшей семьи, глава которой—промышленникъ, обезсилѣвъ отъ поисковъ за пищей и отъ голода, слегъ, и голодная смерть витала уже надъ семьей. Но жена его убила своего грудного ребенка и грудью стала кормить мужа.

— Ты зачѣмъ убила нашего ребенка? спросилъ мужъ.

— Если ты самъ помрешь, мы всѣ помремъ, отвѣтила она-никого изъ насъ не будетъ; если ты будешь живъ, промышлять будешь, если мы будемъ живы — у насъ другія дѣти будутъ.

Потомъ она стала собирать плоды шиповника и носила ихъ мужу. Наконецъ эта мужественная женщина нашла медвѣжью берлогу, подожгла ее сухой травой, задушила медвѣдя дымомъ, опаливъ его шубу, и по кусочку медвѣжины стала носить своему истощенному мужу, пока не выходила и на ноги не поставила. Онъ снова сталъ промышлять и у нихъ снова появились дѣти. Я назвалъ эту исторію трогательной, не смотря на дѣтоубійство потому, что въ приведенномъ мной переводѣ юкагирскаго текста ужасный фактъ убійства дѣтей среди некультурныхъ первобытныхъ племенъ рисуется въ иномъ совершенно свѣтѣ, чѣмъ его понимаютъ многіе этнологи.

Въ соціальномъ строѣ юкагировъ было еще два класса людей: алма—шаманъ и по—военно-плѣнный. Положеніе перваго относится къ религіознымъ вѣрованіямъ юкагировъ и теперь касаться ихъ не буду, а по въ качествѣ работника оставался дома и исполнялъ всѣ женскія работы.

Если отъ изображенія древняго быта перейдемъ теперь къ описанію современнаго юкагирскаго быта на рр. Ясачной и Коркодонѣ, то увидимъ, что матеріальныя условія жизни на этихъ рѣкахъ остались во многихъ отношеніяхъ такими, какими они были 250 л. тому назадъ, т. е. до столкновенія юкагировъ съ русскими.

Теперь только нѣтъ надобности въ воинахъ, но роль промышленника-кормильца группы—сохранилась во всѣхъ подробностяхъ. Но вмѣсто того, чтобы исключительно заниматься «мясной» охотой, хангічä большую часть времени долженъ посвящать требованіямъ пушнаго рынка.

Съ него требовали соболя въ казну, а торговцы соблазняли его новинками, которыя обмѣнивались на пушнину и характеръ охоты измѣнился. Теперь соболь изчезъ изъ округа, ясакъ вносится

деньгами, но чтобы удовлетворять развивпуюся потребность въ чаѣ, табакѣ, рубахѣ и т. д. необходимо добывать бѣлокъ, лисицъ, и россомахъ. Произошли и другія крупныя перемѣны. Каменныя и костяныя орудія замѣнились желѣзными, хотя надо замѣтить, что и теперь встрѣчаются пережитки каменнаго вѣка, который господствовалъ тамъ еще вполнѣ 200—250 л. тому назадъ. Кремневая винтовка вытѣснила лукъ. Лодка карбасъ замѣнила примитивное судно—міно. Конопля для невода и конскій волосъ для сѣтей въ нѣкоторой степени замѣнили натуральный матеріалъ для рыболовныхъ снарядовъ—гибкія вѣтки тальниковъ. Наконецъ зимніе мѣсяцы октябрь—январь ясачные и коркодонскіе юкагиры проводятъ въ избахъ-срубахъ или земляпкахъ съ ледяными окнами, заимствованныхъ у русскихъ пришельцевъ. Тѣмъ не менѣе матеріальная жизнь и форма быта остались прежнія и можетъ быть, что самое существенное въ жизни—условія питанія ухудшились. И теперь пища юкагировъ состоитъ исключительно изъ рыбы и оленьяго мяса, добыча которыхъ подвержена различнымъ случайностямъ, и теперь они кочуютъ въ описанномъ выше порядкѣ, и теперь они переживаютъ всѣ ужасы голодовокъ. Лѣтомъ, около Петрова дня къ Верхнеколымску приплываетъ цѣлый флотъ юкагирскихъ лодокъ и вѣтокъ съ пѣснями и многочисленными салютами изъ кремневыхъ ружей. Спускаясь съ вершинъ разныхъ рѣчекъ юкагиры собираются на Ясачной въ 10 в. выше Верхнеколымска, на мѣстѣ, называемомъ Прорвой и оттуда, всѣ вмѣстѣ, спускаются къ городу Верхнеколымску, городу, все населеніе котораго состоитъ изъ церковнаго причта, русскаго прикащика и 2—3 якутскихъ семействъ. Тутъ юкагиры вносятъ исправнику, который пріѣзжаетъ изъ Среднеколымска, ясакъ, священникъ исполняетъ требы, а якутскіе и русскіе торговцы вымѣниваютъ у юкагировъ то, что ими было добыто зимой и весной, на чай, табакъ, ситецъ или платки. Беруть также у юкагировъ за безцѣнокъ, или за старые сомнительные долги, карбасья, которые юкагиры дѣлаютъ изъ бѣлаго тополя. Они научились ихъ дѣлать отъ русскихъ. Теперь же всѣ рыболовы на Колымѣ пользуются юкагирскими лодками. Съ пріѣздомъ юкагировъ рѣка Ясачная у Верхнеколымска оживляется, берегъ покрывается кожанными коническими урасами и парни и дѣвушки по цѣлымъ днямъ ведутъ круговой танецъ. Такъ проводятъ они время до конца іюля, питаясь случайнымъ промысломъ какой-нибудь птицы или рыбы и

живя больше часмъ. Но вотъ пришли морскіе путешественники— омуль и нельма (другая морская рыба, какъ мукунъ или сельдь, до Ясачной не доходитъ), и рѣка оглашается радостными криками. Главный промыслъ на р. Ясачной омулевый. Первыя партіи омуля пропускаютъ; ихъ не промышляютъ, чтобы не испугать рыбу, а то она уходитъ назадъ въ Колыму. Но когда ходъ омуля вверхъ установится, начинается промыселъ. Кто ставитъ сѣти, кто закидываетъ неводъ. У юкагировъ рѣдко у кого есть неводъ, а про свои сѣти они сами говорятъ, что медвѣдь можетъ пройти черезъ громадныя дырья, не то что омуль, до того сѣти изорваны за недоступностью пріобрѣсти конскій волосъ. Какъ всѣ рѣки сѣвера Якутской области, за исключеніемъ Лены, на которой пески составляютъ собственность якутскихъ послеговъ и сдаются съ торговъ, р. Ясачная свободна для всякаго промышленника. Сюда во время хода омуля приходятъ съ разныхъ мѣстъ якуты, ламуты и верхнеколымскіе русскіе. Тѣ, у кого есть невода, соединяются вмѣстѣ и производится промыселъ, извѣстный подъ именемъ «черпанія». Промыселъ этотъ носитъ общественный и международный характеръ и рыба дѣлится на паи между хозяевами неводовъ. Вмѣстѣ съ послѣдними партіями омуля поднимаются вверхъ по Ясачной и юкагиры. По дорогѣ они промышляютъ своихъ подводныхъ спутниковъ, а къ 10—15 сентября они занимаютъ свои зимніе срубы на устьѣ р. Нелемной, притока Ясачной, въ 80 в. отъ Верхнеколымска. Въ 20-хъ числахъ сентября, передъ самымъ рѣкоставомъ, омуль и нельма, совершивъ предписанный имъ дальній путь для нереста, возвращаются назадъ: нельма съ р. Нелемной, омуль съ притока Ясачной Омулевки, но юкагиры ихъ назадъ не пропускаютъ. Они дѣлаютъ два черезовыхъ заѣздка на рр. Ясачной и Нелемной, т. е. перегораживаютъ заборомъ всю рѣку, оставляя только ворота для мережи. Въ нѣсколько дней въ мережу попадаютъ десятки тысячъ омулей и нѣсколько сотенъ нельмъ. Промыселъ дѣлятъ на паи, сообразуясь съ количествомъ душъ въ семьѣ. Въ это время на рѣкѣ показывается уже шуга, рыба мерзнетъ, не портится. Къ концу сентября р. Ясачная уже стоитъ. Сейчасъ за рѣкоставомъ юкагиры начинаютъ долбить ледъ и спускаютъ сѣти на чира, который въ это время спускается внизъ по рѣкѣ. Въ октябрѣ и ноябрѣ промышленники, партіями въ 2—3 человѣка, пѣшкомъ или на 2 — 3 собакахъ, отправляются «бѣлковать». По дорогѣ они осматриваютъ лисьи ловушки, на-

сторожеиныя осенью. Женщины, дѣти, старики сидятъ въ это время дома, мнутъ шкуры, готовятъ одежду для кочевокъ и питаются «черезовой рыбой». Декабрь и январь мѣсяцы, самые холодные, юкагиры проводятъ дома и если пища есть, то проводятъ время весьма весело. Каждый день то въ одномъ, то въ другомъ домѣ собирается молодежь для танцевъ и игръ. Въ это время въ юкагирскіе поселки по Ясачной подъ разными предлогами и безъ всякихъ предлоговъ являются якуты и, пользуясь первобытнымъ гостепріимствомъ, живутъ по недѣлямъ и ѣдятъ приготовленную рыбу, такъ что въ самый лучшій годъ пищи не хватаетъ до февраля. Въ февралѣ мѣсяцѣ юкагиры оставляютъ домъ съ камелькомъ, кладутъ свои ровдужные (т. е. замша изъ оленьихъ шкуръ), шатры на нарты и начинаютъ кочевать по различнымъ притокамъ по нѣсколько семействъ вмѣстѣ, но въ каждой группѣ имѣется одинъ хорошій промышленникъ, который промышляетъ дикихъ оленей во главѣ другихъ, плохихъ людишекъ. Собакъ у юкагировъ мало, кормить ихъ нечѣмъ, и въ кочевкахъ, за исключеніемъ дряхлыхъ стариковъ, больныхъ и маленькихъ дѣтей, всѣ ходятъ пѣшкомъ. Тяжело и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно видѣть 5-лѣтняго мальчика или дѣвочку на лыжахъ и съ посохомъ, когда они карабкаются на гору, проваливаются въ снѣгъ, отстаютъ отъ табора и плачутъ отъ холода.

Такъ проходитъ зима и весна, потомъ снова строятъ суда и снова съ вершинъ разныхъ рѣчекъ отдѣльныя группы голодныхъ семействъ съѣзжаются въ Верхнеколымскъ. Таковъ годовой круговоротъ жизни ясачныхъ юкагировъ.

Если омулю не понравилась вода р. Ясачной и, минуя ее, онъ ушелъ вверхъ по Колымѣ, тогда съ лѣта уже начинается недоѣданіе, а къ осени наступаетъ настоящій голодъ. Такъ было напр. въ 1870 г. Ясачные юкагиры сначала за мясо коровъ и коней отдали ближайшимъ къ ихъ поселкамъ якутамъ всѣ свои рыболовные снаряды, ружья, чайники, котлы, а потомъ тѣ же якуты 4-го Мятюжскаго и 1-го Байдунскаго наслеговъ распредѣлили юкагировъ по своимъ юртамъ и дѣлились съ ними пищей до весны. Иначе они умерли бы съ голода. Лѣтомъ они должны были войти въ долги на нѣсколько лѣтъ, чтобы выкупить ружья и рыболовные снаряды.

Тоже самое бываетъ весной, если духъ покровитель оленя—пäдзул, не хочетъ давать дикихъ оленей. Тогда юкагиры по 3—4 дня бродятъ безъ пищи. Хангічä, какъ это было 300 л. тому назадъ,

проводитъ время безъ сна, безъ отдыха, безъ ѣды и съ безпокойнымъ сердцемъ, въ тревогѣ за родовичей, онъ мчится на лыжахъ, хватая по временамъ засохшими губами снѣгъ, какъ запаленная лошадь, пока силы не измѣняютъ ему. Въ прошломъ году весной въ одной группѣ домовъ неудачно промышляли и главный промышленникъ до того ослабъ, что болѣе выносливыя во время голодовокъ женщины стали его водить подъ руки. Они дотянули до лѣта тѣмъ, что изрѣдка убивали зайца или куропатку и ловили щуку въ проруби и по маленькому кусочку давали всѣмъ изъ каждаго промысла.

Послѣ весенней голодовки юкагиры пріѣзжаютъ въ Верхнеколымскъ безъ залиовъ и пѣсенъ, въ одиночку. Они бываютъ похожи тогда на тѣней и одинъ человѣкъ въ Верхнеколымскѣ, о которомъ юкагиры говорятъ, что сердце его твердо, какъ русское желѣзо, не жалѣетъ для нихъ изъ своего погреба старыхъ разложившихся омулей.

Чтобы не утомлять вашего вниманія цифрами похозяйственной переписи, я счелъ за лучшее представить въ общихъ чертахъ хозяйство одной семьи на Ясачной, семьи юкагира Василія Шалугина. (См. Приложенія I и II). По типу онъ совмѣщаетъ въ себѣ монгольскія черты тунгусовъ и нѣкоторыя особенности другой расы. Черепъ его брахицефаленъ, носъ короткій, верхняя губа длинная, но лицо его не плоско, носъ довольно крупный, скулы умѣренно выдаются, глаза каріе, цвѣтъ лица бѣлый съ легкимъ желтоватымъ фономъ, а волосы темнорусы, съ просѣдью, и мягки. Ему 65 л. Якутское его прозвище—усъ, что значитъ мастеръ: онъ кузнецъ. Юкагирское его прозвище Хотінгіячіä, т. е. отецъ Хотінгі. Прозвище его старшаго сына Хотінгі. У юкагировъ нѣтъ обычая праздновать свадьбу, но они обязательно празднуютъ рожденіе перваго ребенка, т. е. зовутъ гостей. Этотъ пиръ называется пачилъ. Съ тѣхъ поръ отецъ и мать ребенка теряютъ свои имена и начинаютъ называться отцомъ или матерью первенца. Этотъ обычай и теперь сохранился, рядомъ съ христіанскими именами. Семья Шалугина большая, составная и довольно типичная для первобытной юкагирской семьи. Она состоитъ изъ 13 человѣкъ: старика, старшей дочери съ зятемъ и съ дѣтьми, 2-хъ дочерей дѣвушекъ, женатаго сына съ женой, тещей и ребенкомъ и сына подростка. Еще одинъ сынъ, старшій, вступилъ зятемъ въ другую семью, а четвертая дочь пошла помимо желанія родителей за каменнаго ламута, обѣщавшаго

дать 30 оленей калыму (выкупа), но уже 6 лѣтъ прошло, какъ онъ увезъ дѣвушку и съ тѣхъ поръ не показывается. Вскорѣ послѣ ухода дочери, вопреки обычаю, изъ дому, мать умерла, говорятъ отъ огорченія. и Хотінгіячіä овдовѣлъ. Искусствомъ онъ превосходитъ всѣхъ якутскихъ и ламутскихъ кузнецовъ. ибо онъ одинъ во всемъ районѣ умѣетъ ковать настоящія пружины для ружейныхъ замковъ и рѣжетъ винты самодѣльнымъ напильникомъ. На ремесло кузнеца смотрятъ юкагиры, какъ на божественный даръ. Князецъ говорилъ мнѣ, что со смертью Шалугина они пропадутъ, ибо кто имъ будетъ ружья чинить, топоры исправлять? Я спросилъ, почему Шалугинъ не училъ своихъ дѣтей. Староста посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, что я задаю довольно странные вопросы. Изъ старшаго сына, сказалъ князь, мастеръ не вышелъ, изъ второго вышелъ Шанчäкчіл—на деревѣ мастеръ, а изъ младшаго еще неизвѣстно, что выйдетъ.

Я говорилъ уже, что какъ по составу, такъ и по складу жизни семью Шалугина можно считать патріархальной, но характеръ власти ея главы довольно своеобразенъ. Зять его мнѣ разъ сказалъ: я своего промысла (т. е. бѣлокъ и лисицъ) старику не даю, у него много долговъ, онъ все кредиторамъ отдастъ, а мы останемся безъ чаю и табаку. Сынъ его тоже такъ дѣлаетъ и старикъ ничего не говоритъ. Но когда ему нужно, онъ самъ беретъ изъ принесенныхъ домой сыномъ или зятемъ шкурокъ и они ни слова не скажутъ. Когда у дочерей появляется новый платокъ, шаль или рубаха, старикъ не спроситъ откуда онѣ взяли. Это и такъ понятно: или онѣ якуту отдали изъ промысла 20—30 омулей, или получили подарокъ отъ молодыхъ людей. Въ томъ и другомъ отношеніи онѣ свободны. Но нужно только старику что нибудь приказать, какъ все немедленно исполняется. Другіе старики Ушканскаго рода ему завидуютъ, ибо ему дома не нужно работать. Когда онъ не занятъ своимъ кузнечнымъ ремесломъ, онъ сидитъ на оленьей шкурѣ, подобравъ подъ себя ноги, и распоряжается. Сторожитъ лисьи ловушки, стрѣлять бѣлокъ или на подледный промыселъ идутъ сыновья и зять, а лѣтомъ на неводѣ работаютъ бабы. Онъ еще изрѣдка ѣздитъ въ вѣткѣ сѣти ставить. Осенью, когда все общество дѣлаетъ заѣздки, онъ руководитъ работой, а при распредѣленіи паевъ князецъ спрашиваетъ у него указаній. Весной онъ предводительствуетъ охотой на оленей. но честь убивать оленей онъ уже предостав-

6848

ляетъ старшему сыну и зятю. Оба они хангічй и съ ними всегда кочуетъ 5—8 семействъ худыхъ людей. Въ молодости Шалугинъ былъ лучшій промышленникъ въ родѣ. Онъ промаху не давалъ. Въ 1872 г. исправникъ Варава не выдалъ юкагирамъ пороху, такъ какъ къ сроку они не внесли въ казну стараго долга и имъ буквально угрожала голодная смерть, но Шалугинъ досталъ у якутовъ за 40 бѣлокъ, т. е. за 8 р., 1 ф. пороху, въ теченіе весны убилъ 80 оленей и спасъ половину рода отъ смерти, другую половину такимъ же образомъ прокормилъ другой хангічй Алексѣй Тайшинъ—объюкагирѣвшій ламутъ.

Кромѣ того Шалугинъ считается лучшимъ мастеромъ по постройкѣ карбасьевъ, которые лѣтомъ доставляетъ въ Верхнеколымскъ. За работу въ качествѣ кузнеца онъ получаетъ добрыя слова, рѣдко какой-нибудь подарокъ. Шалугинъ истинный представитель древнихъ юкагировъ. Онъ чрезвычайно скроменъ, не употребляетъ худыхъ словъ, онъ краснѣетъ, когда я его разспрашивалъ объ устройствѣ нѣкоторыхъ частей костюма. Онъ стыдливъ какъ дѣвушка. „Древніе юкагиры, говорятъ они, со стыда помирали. Не смотря на свое почетное положеніе, онъ очень добродушно относится, когда молодые люди надъ нимъ насмѣхаются, улыбается, открывая роть и показывая языкъ, какъ ребенокъ. Это мало говоритъ въ пользу обширности его ума, но нисколько не мѣшаетъ ему имѣть доброе сердце. Особенно его донимали при мнѣ молодые люди просьбой разсказать, какъ онъ торговалъ круглой русской ѣдой. Оказалось, что круглой русской ѣдой они назвали сушки. Муку они называютъ ілä лäгул—новая ѣда, а хлѣбъ и сухари просто—лучі лäгул т. е. русская ѣда. Исторію съ круглой русской ѣдой стоитъ разсказать.

Шалугинъ является не только производителемъ, но и участникомъ обмѣна. Но какъ и для чего онъ торгуетъ? Каждый годъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ беретъ у якутовъ въ «тѣло» [1]) коня за 6—7 рублей и ѣдетъ на Коркодонъ, куда прикочевываютъ Гижигинскіе ламуты и коряки. У отца хотінгі семья большая и каждый годъ надо новую мохнатую одежду. Шкуръ отъ дикихъ оленей на его долю приходится мало. Большей частью онѣ отдаются непромышленнымъ, бѣднымъ людямъ. Ламуты отъ своихъ домашнихъ оленей даромъ шкуръ не

[1]) Брать въ тѣло, значитъ брать у хозяина лошадь за плату на извѣстный срокъ съ отвѣтственностью нанимающаго за пропажу коня.

дають. нужно что нибудь имѣть для обмѣна. Для этого Шалугинъ осенью достаетъ старый топоръ или пешню и выковываетъ изъ нихъ 15—20 ножей. За каждый ножъ онъ получаетъ отъ ламутовъ одну шкуру. Топоръ ему стоитъ 2 рубля. (Разсчетъ, разумѣется, производится на бѣлку—монетную единицу Верхнеколымскаго района). Столько же беруть якутскіе торговцы за 1 оленью шкуру, такъ что Шалугинъ получаетъ порядочную выгоду. Конь окупается тѣмъ, что по дорогѣ старикъ стрѣляетъ бѣлокъ. Чтобы нѣсколько разнообразить товаръ собственнаго производства, Шалугинъ еще прибавляетъ къ нему 1 арш. кумачу русской мануфактуры и $^1/_2$ кирпича чаю китайскаго привоза. За это онъ тоже получаетъ, или выпрашиваетъ 3—4 шкуры. Но разъ старикъ впутался въ самую невыгодную для себя торговлю. Одинъ господинъ, обязанности котораго не торговаго свойства, взялъ съ собой Шалугина проводникомъ на Коркодонъ. По дорогѣ онъ далъ Шалугину разныхъ товаровъ и велѣлъ ихъ обмѣнивать на лисицъ и бѣлокъ. Шалугинъ не смѣлъ отказать важному лицу и неожиданнымъ образомъ попалъ въ крупные прикащики. Среди взятыхъ имъ товаровъ была кожаная сума съ «круглой русской ѣдой», т. е. съ сушками. Каждая сушка была оцѣнена въ одну бѣлку, т. е. въ 20 коп. Въ дорогѣ конь Шалугина на наледи споткнулся, упалъ и раздавилъ часть сушекъ. Шалугинъ въ смертельномъ страхѣ хотѣлъ отдѣлаться отъ такого хрупкаго товара и предлагалъ суму своему довѣрителю обратно. Но послѣдній не взялъ, говоря: «ты принялъ, ты отвѣчать будешь». На Коркодонѣ часть сушекъ, оставшихся цѣлыми, старикъ промѣнялъ на бѣлокъ. Ламуты не находили, что цѣна нѣсколько высокая.

Остальныя сушки въ сумѣ старикъ положилъ на плоскую крышу землянки. Объ этомъ узнали Коркодонскіе дѣти и русская ѣда, сохранившая и не сохранившая круглую форму, весьма скоро очутилась въ ихъ желудкахъ. Шалугину же пришлось отвѣчать по первоначальному счету, котораго, впрочемъ, онъ не зналъ и не знаетъ. Но съ тѣхъ поръ прошло уже 8 лѣтъ, каждый годъ Шалугинъ выплачивалъ долгъ лисицами и лодками, а въ прошломъ году за нимъ еще числилось 150 р. Такъ печально кончилась крупная торговля кузнеца и вотъ почему зять его говорилъ, что у старика много долговъ.

Шалугинъ самый богатый человѣкъ въ родѣ. ибо у него много рабочихъ рукъ, его сыновья и зять лучшіе промышленники, они

убиваютъ весной 100 и больше оленей, которыми, надо прибавить, кормится 6—8 домовъ; они настороживаютъ 100—150 ловушекъ, изъ которыхъ добываютъ 10 лисицъ и 1—2 сиводушекъ. Они ежегодно убиваютъ 200—400 бѣлокъ. Они каждый годъ дѣлаютъ нѣсколько стружковъ, вѣтокъ и лодокъ. У Шалугина есть неводъ, есть сѣти. У него рѣдкій на Ясачной хозяйственный инвентарь, который я позволю себѣ перечислить и который состоитъ изъ: 2-хъ мѣдныхъ чайниковъ, 3-хъ котловъ, 2-хъ топоровъ, 2-хъ сковородъ, 1 эмалированной тарелки и 2-хъ чайныхъ чашекъ. У него есть кузнечный инструментъ, наконецъ у него много долговъ. Тѣмъ не менѣе его дѣвушки и маленькіе дѣти не знаютъ русскихъ рубахъ, одѣваясь только въ кожаную одежду; полгода семья его не пьетъ чаю и вмѣсто табаку курить куски табачнаго кисета и дымленной ровдуги, а весной вмѣстѣ со всѣми живетъ впроголодь или голодаетъ. Тѣ же семейства, въ которыхъ нѣтъ промышленниковъ, живутъ еще жизнью каменнаго и костянаго вѣка. Они ничего не покупаютъ. Чай и табакъ они берутъ у такихъ богатыхъ людей, какъ Шалугинъ, даромъ. Русскихъ рубахъ не знаютъ, чайниковъ нѣтъ. Котелъ, который служитъ для всякихъ надобностей, для нихъ дѣлаетъ Шалугинъ изъ пороховыхъ банокъ. Тарелки и чашки замѣняются берестяными коробками и коробицами, а ихъ зимняя одежда изъ оленьихъ шкуръ лишена именно того, что должно грѣть въ жестокіе морозы—волосъ.

Болѣе жалкую жизнь трудно себѣ представить. Тѣмъ не менѣе находятся люди, которые наживаются и богатѣютъ насчетъ промысловъ этихъ людей. На обязанности культурнаго государства лежитъ огражденіе ихъ отъ такихъ случаевъ обиранія, какой мною былъ разсказанъ и забота о томъ, чтобъ голодовки у этихъ остатковъ симпатичнаго и некогда многочисленнаго племени перестали быть нормальнымъ явленіемъ.

II.

На Ясачной и притокѣ ея Нелемной я пробылъ болѣе 5-ти мѣсяцевъ (августъ — декабрь). Все юкагирское населеніе этихъ рѣкъ, вмѣстѣ съ объюкагирѣвшей частью 2-го Дельянскаго Ламутскаго рода, состоитъ изъ 130 ч. Но эти нѣсколько десятковъ человѣкъ сохранили весьма цѣнныя данныя для этнологіи пле-

мени. Юкагирское же населеніе на рѣкѣ Коркодонѣ вмѣстѣ съ тремя ламутскими семьями состоитъ изъ 60 душъ. На Коркодонѣ, какъ въ наиболѣе глухой части округа, сохранилось еще больше слѣдовъ первобытнаго строя жизни. На Коркодонѣ живутъ жалкіе остатки 2-хъ родовъ. Согласно архивнымъ бумагамъ они оффиціально назывались Рыбниковскимъ и Нартеннымъ родами. Сами себя они называли Хорходондзи и Нятвендзи, т. е. люди съ Коркодона и съ Поповой. Нятвенъ юкагиры называютъ рѣку Попову; на ней жилъ Рыбниковскій родъ. Въ ревизію 1856 года остатокъ въ 6 человѣкъ вымершаго Рыбниковскаго рода приписался къ Омолонскому роду. Четыре человѣка тогда переселились на устье Омолона, откуда потомъ переѣхали на Анадырь. Двое присоединились къ коркодонцамъ. Нартенный родъ коркодонцевъ во время Ясачной коммиссіи тридцатаго года былъ причисленъ къ Ушканскому роду, или къ Чахадендзи, т. е. къ людямъ съ рѣки Чахадäнъ, русскими названной Ясачной. Теперь Коркодондзи и Чахадендзи имѣютъ общаго князца и числятся Ушканскимъ родомъ.

7-го Августа 1895 г. я въ собственномъ карбасѣ поднялся изъ Верхнеколымска вверхъ по Ясачной и остановился въ 10-ти верстахъ отъ Верхнеколымска, тамъ, гдѣ въ р. Ясачную впадаетъ рукавъ Колымы, называемый Прорвой и образующій съ Колымой и Ясачной дельту. Въ 100 вер. южнѣе, гдѣ Ясачная и Колыма расходятся на разстояніе 40 верстъ, есть слѣды другого когда-то существовавшаго рукава, соединявшаго Ясачную и Колыму, въ видѣ разорванной цѣпи продолговатыхъ озеръ. У Юкагировъ сохранилось преданіе, что въ старину два шамана съ двухъ сторонъ начали копать рѣку изъ Колымы въ Ясачную, но умерли недокончивъ предпріятія.

На Прорвѣ меня ждали два коркодонскихъ семейства, спустившихся съ Коркодона въ Верхнеколымскъ еще весной. Тутъ же стояло нѣсколько урасъ ясачныхъ юкагировъ, промышлявшихъ омуля. На Прорвѣ я прожилъ до 17-го Августа. 17-го Августа я вмѣстѣ съ своими спутниками по рукаву Прорвѣ вышелъ на р. Колыму. Это была цѣлая флотилія изъ 3-хъ карбасовъ и 4-хъ вѣтокъ. Наше общество состояло изъ 22-хъ человѣкъ (10-ти мужчинъ, 6 женщинъ и 6-ти дѣтей). Въ первомъ карбасѣ кромѣ меня, казака и переводчика (ясачнаго юкагира Алексѣя Долганова) еще были 3 юкагира, тянувшихъ лямку. Остальные мужчины въ легкихъ вѣткахъ плыли впереди. Два другіе кар-

баса съ дѣтьми, урасами и хозяйствомъ тянули женщины сзади. За нами бѣжало 20 собакъ, оживляя пустынные берега. Юкагиры не заставляютъ собакъ тянуть лодки, какъ это дѣлаютъ ниже по Колымѣ русскіе и якуты. Хорошій бичевникъ весьма рѣдокъ. Берега крутые или покрыты растительностью дѣвственныхъ лѣсовъ. Гдѣ человѣкъ пройдетъ, перебросивъ черезъ дерево [1]) бичеву или вырубивъ цѣлую рощу, тамъ собака запутается. Вся дорога до притока р. Коркодона Разсохи продолжалась 20 дней. По моимъ разсчетамъ мы проѣхали нѣсколько болѣе 400 верстъ, считая по 3, по $3^1/_2$ версты въ часъ. Между устьями Коркодона и Ясачной полагаю 300 съ чѣмъ-то верстъ. Якуты, совершающіе зимой этотъ путь на лошадяхъ, считаютъ это разстояніе въ 40 кёсъ т. е. въ 400 верстъ. Вся эта область представляетъ совершенно еще невѣдомый, неизслѣдованный край. Маршруты экспедицій Биллингса, спутниковъ бар. Майделя и Черскаго лежали къ западу отъ этой области. Поэтому я позволю себѣ предварительно охарактеризовать географію страны. Посѣщенная мною мѣстность заключается между 168 и 170 градусами в. долготы, (отъ Ферро) и между 65.9° (т. е. Верхнеколымскомъ, какъ опредѣленнымъ пунктомъ) и приблизительно 64.5° сѣверной широты. Долина р. Колымы, къ югу отъ устья Ясачной, т. е. болѣе 1100 верстъ отъ океана, отличается еще значительной шириной и Колыма еще является большой рѣкой съ многочисленными островами, мелями и притоками, но не значительной глубиной и весьма быстрымъ теченіемъ. Долина рѣки пролегаетъ по сѣверному склону обширнаго плоскогорія, на которомъ возвышаются отдѣльные хребты. Сейчасъ за устьемъ рѣки Ясачной къ югу она еще имѣетъ видъ довольно обширной равнины. На лѣвомъ берегу, отлогомъ, покрытомъ древой и мелкой галькой, только издали виднѣются отроги хребта Улаханъ-Чистая, на которомъ берутъ начало Ясачная и Нелемная. На правой сторонѣ горы отступаютъ къ востоку и холмистый берегъ образуетъ крутые и осыпающіеся земляные яры, покрытые лиственичнымъ лѣсомъ, но въ 80-ти верстахъ отъ Ясачной горы съ востока подходятъ къ самой рѣкѣ; то онѣ образуютъ куполообразныя вершины съ покрытыми лѣсомъ склонами, то представляютъ причудливыхъ формъ обнаженія вывѣтрившихся осадочныхъ

[1]) Юкагиры бичевы дѣлаютъ изъ тальничнаго лыка.

горныхъ породъ—известняковъ и песчаниковъ. Хребетъ противъ устья р. Поповой называютъ Шаманкинъ камень. Тамъ висѣлъ на обрывѣ древній юкагирскій идолъ, который я увезъ съ собой. Одна изъ вершинъ этого хребта вся покрыта бѣлымъ мхомъ и, освѣщенная солнцемъ, она надъ темной зеленью склоновъ кажется издали покрытой бѣлымъ снѣгомъ. Юкагиры ее называютъ Понхоніä т. е. бѣлый камень. Къ югу отъ устья Поповой правый берегъ состоитъ изъ обнаженій изверженной породы трахитовъ. Тутъ горы съ запада ближе подходятъ къ берегу, а около Коркодона хребты съ востока и запада подходятъ къ рѣкѣ, долина ея съуживается и вся мѣстность принимаетъ характеръ настоящей горной страны. Объ отдѣльныхъ вершинахъ и сопкахъ этихъ хребтовъ и объ ихъ любовныхъ похожденіяхъ сложены юкагирами романтическія легенды какъ о живыхъ существахъ различныхъ половъ.

Противъ устья Коркодона на лѣвомъ берегу выдѣляется одна сопка, вершина которой по формѣ напоминаетъ Юнгфрау Бернскихъ Альповъ. Это то-же дама. Небольшія вздутія съ боковъ подъ вершиной юкагирская фантазія разсматриваетъ какъ женскія груди. Но это не швейцарская дѣвственница, скрывающаяся подъ бѣлой мантіей вѣчныхъ снѣговъ, а смуглая юкагирка, не отказывающая въ благосклонности многочисленнымъ ухаживателямъ. Не даромъ юкагиры ее назвали Чомо-Чуводзä, т. е. большое сердце, обширное сердце. На устьѣ Коркодона, на правомъ берегу, красуется вершина по имени Ларајäкъ. Это юноша. На лѣвомъ берегу ближе къ Колымѣ возвышается другая вершина по имени Коголгіjä—тоже юноша. Оба они пользовались благосклонностью Чомо-Чуводзä. Въ темныя ночи они переходили Колыму и Чомо-Чуводзä принимала тайкомъ, то одного, то другого поклонника. Но вотъ Чомо-Чуводзä родила мальчика и именно отъ Ларајäка. Коголгіjä, узнавъ о соперникѣ, пришелъ въ ярость, перебѣжалъ рѣку и въ припадкѣ ревности бросилъ ребенка въ рѣку. Чомо-чуводзä схватила желѣзную нинбу (такъ называютъ деревянную доску, служащую для кройки ровдуги и одежды) и стала бить Коголгіjä. Крикъ его былъ слышенъ по всей рѣкѣ, всѣ вершины вверхъ и внизъ по рѣкѣ Колымѣ зашатались какъ во время землятресенія, хотѣли бѣжать на помощь, но благоразумно остались на своихъ мѣстахъ. Ребенокъ «обширнаго сердца» былъ унесенъ водой внизъ, но въ 10 верстахъ отъ Коркодона, противъ устья рѣки Столбовой, онъ остановился и

выросъ въ скалистый островъ, который въ свою очередь успѣлъ уже обзавестись семьей. Таково юкагирское объясненіе происхожденія острова, дѣйствіемъ водъ отдѣленного отъ главнаго хребта и разрушающагося подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей.

Начиная отъ Прорвы до Коркодона направленіе пути было юго-восточное, съ нѣкоторыми уклоненіями на востокъ юго-востокъ. Дорога же по Коркодону до притока Разсохи шла прямо на востокъ. Горы на лѣвомъ берегу Коркодона скоро стали переходить въ холмы и земляные яры, горизонтъ сталъ открытымъ, а вдоль праваго берега тянулись вершины отрога Колымского хребта. Рѣка Коркодонъ, по разспроснымъ свѣдѣніямъ, съ самыхъ верховьевъ течетъ на западъ, вытекая изъ озера Буру́янъ къ сѣверу отъ истоковъ р. Омолона, берущаго начало южнѣе, изъ озера Кэнденга. Верхнее теченіе Омолона имѣетъ сѣверное направленіе и продолженіе Коркодона по прямой пересѣкало бы Омолонъ подъ прямымъ угломъ. На картахъ же верховья Омолона нанесены къ сѣверу отъ Коркодона. Въ то время какъ къ сѣверу отъ Коркодона расположены лѣсистые хребты, къ югу отъ него и тамъ гдѣ находятся истоки Омолона и Коркодона, мѣстность, по словамъ ламутовъ, представляетъ обширную равнину, лишенную древесной растительности и покрытую озерами, травой и мхами. По всей вѣроятности эта равнина представляетъ восточную часть обширнаго Оймяконскаго плоскогорія, на которомъ берутъ начало изъ одного озера верховья Колымы и Индигирки. Какъ отсутствіе древесной растительности, такъ и то, что лѣтомъ скапливаются тамъ богатые ламуты со стадами оленей, одинаково указываютъ на значительную высоту этой плоской возвышенности надъ уровнемъ моря. Кромѣ того, по словамъ ламутовъ, подъемъ на Становой хребетъ, крутой со стороны Гижиги, почти не замѣтенъ со стороны этой равнины.

Теперь скажу нѣсколько словъ о характерѣ растительности района. Когда ѣдешь со стороны тундры на югъ весьма интересно наблюдать какъ ползучіе кусты и корявые лиственницы границы лѣсовъ постепенно переходятъ въ роскошные кустарники и стройный лѣсъ и какъ съ появленіемъ новыхъ видовъ измѣняется весь растительный покровъ. Верхне-Колымскъ на 3° южнѣе границы лѣсовъ и лиственницы уже имѣютъ здѣсь совершенно иной ростъ—это прямыя стройныя, высокія деревья. Появляются березовыя, осиновыя и тополевыя рощи, острова и низкіе берега покрыты роскошными ивами и вербами. Къ югу отъ

В. Колымска бѣлый тополь достигаетъ толщины въ 2 обхвата. Изъ него юкагиры выдалбливаютъ стружки и нижнюю часть для карбасовъ. Но сосна и ель еще здѣсь не извѣстны. Такого обилія ягодъ я еще раньше не видѣлъ къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта. Здѣсь есть 4 разновидности смородины, на склонахъ хребтовъ кусты малины и дикой розы, въ долинахъ рѣкъ черемуха, которой я не встрѣчалъ около Среднеколымска. Но юкагиры многихъ ягодъ не любятъ. Малины не ѣдятъ, называя ее собачьей ягодой, смородины тоже не любятъ и называютъ русской ягодой. Самой любимой ягодой считается голубица и ее называютъ одун-лэвейди, т. е. юкагирской ягодой, а затѣмъ собираютъ плодъ шиповника, терпкую ягоду черемухи и бруснику.

Вся южная часть округа, между рр. Ясачной и Коркодономъ и къ югу отъ Коркодона совершенно пустынна и безлюдна. Послѣдніе якуты Колымскаго округа находятся на р. Ясачной къ сѣверу отъ юкагирскихъ зимнихъ поселковъ. Только зимой съ западныхъ хребтовъ прикочевываютъ нѣсколько семействъ Индигирскихъ ламутовъ, а черезъ Яблоновый хребетъ Гижигинскіе ламуты и корякн, и съ февраля—марта мѣсяца разбредаются по всѣмъ рѣчкамъ ясачные и коркодонскіе юкагиры. Осенью отдѣльные юкагиры въ вѣткахъ отправляются настораживать падающіе снаряды на лисицъ, разставленные по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ. Кромѣ того въ верховьяхъ рр. Ясачной и Нелемной и на устьяхъ притоковъ Колымы: Балыгичанъ, Заимчанъ и Буюнда, находятся по 1, по 2 или по 3 юрты якутовъ, недавнихъ выходцевъ Багаянтайскаго улуса Якутскаго округа, пришедшихъ въ Колымскій край со скотомъ черезъ Оймяконское плоскогоріе.

Лѣто 1896-го года было холодное. Въ день выѣзда изъ В. Колымска, т. е. 7 Августа, замерзъ картофель на огородѣ заштатнаго священника о. Стефана Попова. За все время пути t⁰ по ночамъ падала ниже 0, но днемъ поднималась до 15⁰ Ц. Однако низкая температура не мѣшала въ ясные дни преслѣдовать насъ тучамъ мошки. 5-го Сентября, въ день пріѣзда на Разсоху, выпалъ снѣгъ и горы кругомъ побѣлѣли. 9-го Сентября минимальная t⁰ была—9.

Первый ночлегъ мы устроили черезъ 10 в. отъ Прорвы. Сейчасъ какъ пристаютъ къ берегу, женщины, не смотря на усталость, ставятъ изъ жердей коническій остовъ урасы, который покрываютъ ровдугой, потомъ приносятъ на себѣ дрова и раз-

водятъ огонь. Промышленники ставятъ въ удобныхъ мѣстахъ сѣти. Всего у насъ было 15 сѣтей. Кромѣ того у меня было нѣсколько пудовъ сухарей и муки, полкоровы соленаго мяса и небольшое количество юколы. Первый промыселъ былъ весьма удаченъ; пойманной чиры, нельмы и щуки оказалось достаточнымъ не только на ужинъ, но и на завтракъ слѣдующаго утра. Поэтому мои безпечные спутники послѣ перваго высмотра сняли сѣти, а на второй день, на слѣдующемъ ночлегѣ, ничего не добыли. Изъ 20 дней пути только на шести ночлегахъ удачно промышляли рыбу. На остальныхъ ночевкахъ добывали по 2 по 3 рыбы на все общество. Разумѣется, что провизія, приготовленная мной на 3-хъ человѣкъ на нѣсколько мѣсяцевъ, почти кончилась за дорогу до Коркодона. Мы отправлялись обыкновенно въ 10 ч. утра. Въ три часа пили чай всѣ вмѣстѣ. Въ 5 часовъ снова поднимались и въ 8 ч. останавливались на ночлегъ.

Стоитъ упомянуть здѣсь объ одномъ интересномъ явленіи. Въ 200 в. отъ устья Ясачной, на лѣвомъ, довольно высокомъ берегу Колымы, находится озеро Сонцево, изъ котораго нѣтъ стока въ рѣку, но въ которомъ водится морская рыба нельма. Очевидно уровень воды въ Колымѣ былъ когда-то иной, если нельма попала въ озеро, въ которомъ она сдѣлалась потомъ постояннымъ видомъ.

За все время пути до устья Разсохи мы не встрѣтили ни одного человѣка, не удалось также увидать оленя, хотя по берегамъ нерѣдко встрѣчали оленьи слѣды. Но зато мы много разъ видали медвѣдей. Разъ вечеромъ, когда мы пристали къ берегу, собаки вдругъ кинулись въ лѣсъ, но скоро онѣ выбѣжали, преслѣдуемые большимъ медвѣдемъ, въ сопровожденіи 3-хъ другихъ меньшихъ медвѣдей, очевидно самки и 2-хъ дѣтенышей; увидѣвъ наши лодки и людей, они весьма поспѣшно удалились въ лѣсъ; быстрый топотъ ихъ ногъ и необыкновенный трескъ сучьевъ свидѣтельствовали о томъ что они бѣжали галопомъ. Медвѣди весьма нервны и всякая неожиданность ихъ пугаетъ какъ женщинъ. Хотя у насъ были казенныя берданки, и хотя юкагиры вообще не боятся медвѣдей, тѣмъ не менѣе ночное время не позволяло ихъ преслѣдовать.

Съ устья Коркодона одинъ изъ вѣточниковъ поѣхалъ впередъ и на устьѣ Разсохи мы были встрѣчены цѣлою флотиліею карбасовъ. Тутъ было все Коркодонское населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей. Трудно себѣ представить болѣе пугливое, конфузливое

и стыдливое населеніе. какъ эта кучка людей, затерянныхъ въ долинахъ рѣчекъ среди горъ. Когда мы вышли на берегъ, каждый по очереди подходилъ. кланялся и снималъ шапку передъ большимъ господиномъ. Даже дѣвушки и женщины быстро скидывали свои вышитыя шапочки. Весь церемоніалъ встрѣчи очевидно былъ репетированъ и самъ церемоніймейстеръ не зналъ, что культурному обычаю обнажать голову въ знакъ почтенія дамы не обязаны подчиняться. Тѣмъ болѣе они были поражены и еще долго будутъ разсказывать о томъ, какъ большой русскій господинъ, здороваясь, жалъ всѣмъ руки.

Это настоящія дѣти природы. все новое ихъ поражаетъ и смущаетъ. они храбры и ловки на охотѣ, но имѣютъ достаточно основаній бояться пришлыхъ людей, въ особенности культурныхъ. Они разъ въ годъ видятъ пріѣзжающихъ въ ноябрѣ якутовъ-торговцевъ и только зимой встрѣчаются съ Гижинскими ламутами. Все остальное время они предоставлены горамъ, безмолвіе которыхъ кладетъ особый отпечатокъ на языкъ и нравы. Интересно указать на тотъ фактъ, что на полсотню людей имѣется двое глухонѣмыхъ.

Въ общемъ бытъ Коркодонскихъ юкагировъ сходенъ съ таковымъ на Ясачной. На смѣну періодовъ обилія пищи, недоѣданія и голодовокъ они смотрятъ какъ на явленіе нормальное. Весной, во время наста, они всѣ отправляются вверхъ по Коркодону для промысла оленей и въ началѣ лѣта по водѣ спускаются на устье Коркодона. Морская рыба не доходитъ до Коркодона. Здѣсь мы уже имѣемъ только рѣчную, прѣсноводную ихтіологическую фауну и промышляемыми видами считаются ленокъ, харіусъ и мелкая рыбка чукачанъ. Но и рѣчная рыба имѣетъ обыкновеніе странствовать. Осенью она съ горныхъ рѣчекъ спускается въ Колыму, гдѣ зимуетъ въ ямахъ, а лѣтомъ поднимается для нереста. Вмѣстѣ съ ними поднимаются коркодонцы, вооруженные весьма плохими сѣтями. Осенью они ставятъ заѣздокъ, т. е. заборъ черезъ всю рѣку сначала на Разсохѣ, потомъ на Коркодонѣ. Съ Разсохи рыба спускается раньше. Черезовой промыселъ на Коркодонѣ тоже общественный. Заборъ устраиваютъ сообща, но дѣлятъ не рыбу, какъ на Ясачной, гдѣ дѣлаютъ ворота и одну большую коноплянную мерезку, а мѣста для мордъ, т. е. верши. Большему семейству дается больше мѣстъ, и каждый самъ высматриваетъ свои морды. Я засталъ черезовой промыселъ на рѣкѣ Разсохѣ въ 10 в. отъ устья. Тутъ мы прожили до 18-го Сен-

тября. Потомъ перекочевали на устье Разсохи и на Коркодонѣ устроили другой заѣздокъ. Минимальная t⁰ была—12⁰ и днемъ—2⁰, но мужчины и женщины съ ногами обнаженными выше колѣнъ и красными отъ холода бродили въ ледяной водѣ, устраивая заѣздокъ. 29-го Сент. мин. t⁰—18, днемъ—9⁰. Ночью замерзли берега, пошла шуга и мы спустились по Коркодону, на 5 в. ниже устья Разсохи. Тамъ находятся зимніе срубы-землянки коркодонцевъ съ якутскими камельками и ледяными окнами. Вездѣ щели въ дверяхъ и стѣнахъ, съ низенькаго потолка сыплется земля, камелекъ не закрывается, чернила ночью замерзали, а днемъ нужно было грѣть ихъ у камелька. Но зато въ домѣ всегда чистый воздухъ, отсутствіе сырости и вѣчныхъ угаровъ, которые донимали меня въ домахъ колымчанъ русскихъ, затыкающихъ сверху трубы оленьей шкурой и всякимъ тряпьемъ. А послѣ урасы, въ которой можно было писать только возлѣ огня очага, срубъ-землянка оказалась очень удобной квартирой. Здѣсь я прожилъ до 15 Ноября. Я не буду подробно описывать Коркодонской жизни, скажу только, что я имѣлъ несчастіе быть свидѣтелемъ голодовки. Черезовой осенній промыселъ былъ плохъ; воздушные амбарчики на высокихъ ногахъ оказались пустыми. Питались во время промысла, но въ запасъ нечего было класть. Въ серединѣ октября уже ничего отъ промысла не осталось. Правда, заборъ заѣздки еще стоялъ на Коркодонѣ и морды стояли, но въ это время хозяинъ рѣки скупъ. Надо замѣтить, что Коркодонъ замерзаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только въ концѣ Декабря или въ Январѣ. Это интересное явленіе надо объяснить не одной быстротой теченія, а также подземными ключами, которые встрѣчаются какъ по Коркодону, такъ и на другихъ притокахъ верховьевъ Колымы. При t⁰ воздуха — 20⁰, t⁰ одного ключа измѣреннаго мной оказалось +1. Однимъ словомъ въ открытыхъ мѣстахъ рѣки стояли морды, въ проруби спускались сѣти, но каждый день добывалось въ нихъ на все населеніе 6—10 рыбъ. Къ несчастію выпалъ глубокій снѣгъ; осенью снѣгъ мягкій, даже человѣка на лыжахъ не держитъ, а тѣмъ болѣе собакъ съ нартой, и промышленники должны были сидѣть дома, хотя я ихъ снабдилъ порохомъ, котораго у нихъ не было. У меня осталось всего нѣсколько фунтовъ сухарей и кирпичный чай, который тоже былъ на исходѣ. За мной якутъ-подрядчикъ долженъ былъ изъ Верхнеколымска прибыть съ конями 1-го ноября, но онъ пріѣхалъ только 15-го и послѣдніе 2 дня чая уже не было.

Трудно забыть видъ голоднаго человѣка—съ засохшими губами воспаленными глазами и блуждающимъ взоромъ. Собаки бродили голодныя. предоставленныя самимъ себѣ. Наконецъ 8 Ноября явились два семейства Гижигинскихъ ламутовъ и я купилъ у нихъ двухъ оленей и могъ подѣлиться съ юкагирами мясомъ. На слѣдующій день пришли еще четыре семейства. Я пригласилъ тогда къ себѣ всѣхъ домохозяевъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ родовой князекъ и предложилъ имъ сдѣлать пожертвованіе оленями въ пользу голодающихъ юкагировъ, на территоріи которыхъ они промышляютъ бѣлку. Они тотчасъ же согласились, хотя это тоже небогатые люди, владѣльцы стадъ въ 15—20 оленей. Два человѣка дали по два оленя, остальные по одному. Такимъ образомъ кризисъ временно былъ устраненъ. Черезъ нѣсколько дней я уѣхалъ. Что потомъ было, я не знаю; но ламуты мнѣ обѣщали, что, когда придутъ ихъ богатые сородичи, они передадутъ имъ мою просьбу о дальнѣйшихъ пожертвованіяхъ.

Изъ гижигинскихъ ламутовъ, приходящихъ въ Колымскій округъ для промысла бѣлки, я составилъ списокъ въ 50 семействъ. Кромѣ того приходятъ нѣсколько стойбищъ коряковъ. Впередъ приходятъ бѣдные люди, промышленники. Сзади, черезъ мѣсяцъ, черезъ два прикочевываютъ богатые люди съ табунами оленей, которыхъ мѣняютъ на бѣлку. За жирнаго оленя берутъ 50 бѣлокъ, за сухого 40, за 2-хъ-годовалаго—30. По словамъ юкагировъ ламуты вторгаясь въ ихъ территорію. начинаютъ промышлять прежде времени, не дожидаясь юкагировъ. Зимой разгоняютъ бѣлокъ, весной—оленей и юкагиры, когда выходятъ. находятъ только слѣды ламутовъ и разогнанныхъ ими животныхъ. Раньше, когда якуты-торговцы не ѣздили на Коркодонъ. ламуты давали даромъ юкагирамъ оленьи шкуры на одежу; теперь якуты все покупаютъ и ламуты перестали давать. Очень часто теперь ламуты скрываются отъ юкагировъ, не указываютъ имъ своихъ стойбищъ, чтобы они не выпрашивали. Но бываетъ. что дѣло доходитъ до споровъ, пререканій и угрозъ. Въ 1890 г. весной юкагирскій князь съ нѣсколькими Ясачными семействами. кочуя вверхъ по Колымѣ, прикочевалъ къ Коркодону. Тутъ онъ встрѣтился съ Коркодонскими юкагирами. У тѣхъ и у другихъ не было промысла. Начался голодъ. Они во всемъ обвиняли ламутовъ. Они ихъ розыскали и стали требовать пищи. Ламуты отказывали. Въ это время пріѣхалъ съ Колымы якутскій князецъ для обмѣна и юкагиры къ нему обратились какъ къ тре-

тейскому судьѣ. «Ты насъ суди», сказали юкагиры. Были посланы гонцы въ ламутскія стойбища. Старики явились. Якутскій князецъ, который привезъ водку, чтобы мѣнять ее на лисицъ, и который 1/4 чая даваль за 10 бѣлокъ, оказался тѣмъ не менѣе не только благоразумнымъ, но и справедливымъ судьей. Юкагирскій князь сталъ въ позу просителя, т. е. сложилъ руки на груди и началъ цѣлую филиппику. Юкагиры покачивали головами, ламуты сидѣли понуривъ голову въ убѣжденіи, что придется ужъ что нибудь дать.

«Вы люди съ конями, вы люди съ оленями, началъ юкагирскій князь, обращаясь къ якутамъ и ламутамъ, а мы люди пѣшіе. У насъ есть собаки, но наши бабы должны тащить нарту съ домомъ и дѣтьми. Конь самъ найдетъ траву, олень мохъ, а собаку надо кормить. Когда у человѣка нѣтъ ѣды, то и у собаки нѣтъ ѣды. Наши люди расходятся въ разныя стороны,—тутъ онъ раздвинулъ пальцы рукъ, чтобы наглядно показать какъ расходятся—ищемъ ѣды, ищемъ одежды. Никого нѣтъ, бѣлокъ нѣтъ, оленей нѣтъ. только и есть ламутскій слѣдъ, «пустой» ламутскій слѣдъ; отъ голода щеки впали, высохли; что мы будемъ одѣвать на будущій годъ? Оленей нѣтъ — нѣтъ мохнатой одежды — отъ холода замерзнемъ. Вы, верховые люди [1]), пришли на нашу землю, разогнали бѣлокъ, оленей, насъ, людей своими ногами ходящихъ. не ждете. Хоть вмѣстѣ бы. въ одно время промышляли. Теперь дайте намъ мяса, дайте шкуръ. Ты ходишь въ крѣпость (т. е. въ Среднеколымскъ) закончилъ онъ, обращаясь къ якутскому князцу, ты видишь нашихъ начальниковъ, ты судишь своихъ людей, ты разсуди насъ».

Ламуты возражали, что и они царскіе люди, что они тоже даютъ ясакъ и что земля эта царская. Они промышляютъ тамъ, гдѣ есть промыселъ. Кому хозяинъ мѣста даетъ, кому нѣтъ, они въ этомъ не повинны. «Если мы будемъ ѣсть своихъ ѣздовыхъ оленей, то тоже будемъ пѣшими», сказали ламуты. Но Якутскій князецъ присудилъ, что ламуты должны дать оленей для ѣды, ибо какъ не дать людямъ, которые голодаютъ, а относительно шкуръ на одежу пусть сами разсудятъ, ибо еще неизвѣстно промышляли-ли бы юкагиры, еслибъ ламутовъ не было. Ламуты дали по оленю на каждое семейство. Разумѣется мяса хватило только на нѣсколько дней. Одинъ бѣд-

[1]) Каменные ламуты не употребляютъ саней, кочуя на оленяхъ верхомъ.

ный корякъ, имѣющій 20 оленей, по имени Николашка, возмущенный поведеніемъ ламутовъ, остался съ юкагирами, сказавъ: «Пока у меня есть хотя одинъ олень вы не умрете съ голоду». Но юкагиры не дали ему убивать оленей, кое какъ перебились до лѣта зайцами, куропатками. Тогда только корякъ укочевалъ въ Гижигу.

Обратный путь съ Коркодона я совершилъ на лошадяхъ. Дорога шла по рѣкѣ Коркодону, а потомъ по Колымѣ. Мѣстами р. Коркодонъ была открыта. Вездѣ наледи, скрываемыя глубокимъ снѣгомъ, не дававшимъ имъ замерзнуть и рѣчному льду утолститься. Надъ открытыми мѣстами, полыньями, стоялъ густой паръ. Кони, ступая по бѣлому снѣгу, погружались въ жидкую снѣжную кашу, моментально примерзавшую къ щеткамъ ихъ ногъ. Ледъ проламывался, лошади проваливались. Мѣстами съ обѣихъ сторонъ крутые хребты, а по всей рѣкѣ разливается вода, обхода нѣтъ. Но за мной пріѣхали съ Ясачной самые опытные проводники: извѣстный Шалугинъ и его сынъ Хотинги. Одинъ изъ нихъ шелъ впереди на широкихъ лыжахъ и съ длиннымъ копьемъ пробовалъ крѣпость льда. Другой, за нимъ, верхомъ на конѣ, обозрѣвалъ окрестность и указывалъ направленіе. Сзади слѣдовалъ поѣздъ. Вся дорога до Ясачной продолжалась 13 дней. Только на устьѣ Коркодона мы ночевали въ домѣ. Тамъ зимой живетъ объюкагирѣвшій ламутъ Дельянскаго рода Шадринъ. Остальные 12 ночей мы проводили на сѣнтухѣ, т. е. подъ открытымъ небомъ. Все время температура была—35—45. Наступало самое суровое время года. Природа засыпала холоднымъ сномъ. Кругомъ спокойствіе и безмолвіе. Все мертвенно, блѣдно и неподвижно. Медвѣдь спитъ въ берлогѣ, бѣлка не выходитъ изъ гнѣзда. Дятель пересталъ долбить кору лиственницъ. Заяцъ дремлетъ подъ корнями упавшаго дерева. Глухарь и куропатка зарываются въ снѣгъ. Любопытно въ лѣсу, когда наступаешь на снѣгъ и изъ подъ ногъ вылетаетъ испуганная куропатка. Зимующая тамъ бѣлая сова сидитъ, спрятавъ голову подъ крыломъ, а четвероногіе хищники лежатъ свернувшись, уткнувъ морду въ густую шерсть. Въ воздухѣ носится кристаллическая снѣжная пыль вмѣсто хлопьевъ. Лѣсъ посѣдѣлъ отъ дыханія природы. Солнце подъ той широтой не скрывается вполнѣ, но въ это время оно весь день стоитъ на краю горизонта, холодное, безъ лучей и блѣдно-желтое, какъ дно мѣднаго таза. Оно не ослѣпляетъ глазъ и не въ состояніи за-

тмить своего собственнаго отраженія: блѣдный дискъ луны и днемъ не сходитъ съ небеснаго свода.

Для ночлега выбирали мѣста, закрытыя отъ вѣтровъ, въ лѣсу съ сухостоемъ, чтобы подъ руками былъ сухой лѣсъ. Одни разгребали лопатой или лыжами снѣгъ, устроивъ высокій валъ. Другіе рубили и валили деревья. Въ центрѣ вала зажигали громадный костеръ изъ толстыхъ лиственичныхъ стволовъ, концы которыхъ расходятся въ разныя стороны. По обѣимъ сторонамъ костра, вдоль пылающихъ стволовъ, въ снѣжный валъ втыкаютъ наклонно жерди и ихъ снаружи закрываютъ равдугой. Подъ уклономъ этого щита устраиваютъ постель изъ оленьихъ шкуръ. Громадное пламя костра быстро обращаетъ кругомъ себя снѣгъ въ паръ, который снова инеемъ осаждается на охлажденной поверхности лица, волосъ и мохнатой одежды. Густое облако окутываетъ станъ, а побѣлѣвшіе люди дѣлаются похожими на большихъ зайцевъ. Но съ какимъ наслажденіемъ проглатываешь тогда горячій чай и грѣешь руки объ чашку. Самое худшее это спать въ этихъ полярныхъ гостинницахъ, но къ холоду, какъ ко всему на свѣтѣ, можно привыкнуть. Многіе инородцы раздѣваются до-гола и закрываются одѣяломъ изъ оленьихъ или заячныхъ шкурокъ. Оно оканчивается мѣшкомъ для ногъ. Инородцы ложатся головой къ костру вопреки нашей поговоркѣ: держи голову въ холодѣ, а ноги въ теплѣ, точно боятся заморозить мозгъ.

Всѣ заснули. Костеръ пересталъ горѣть, только тлѣетъ. То у того, то у другого изъ спутниковъ открывается часть тѣла—спина или грудь—и куржавѣетъ, но они продолжаютъ спокойно спать. Въ первое время эти ночлеги не могутъ нравиться. Къ нимъ трудно приспособиться. Подъ мѣховымъ одѣяломъ, если закроешься совсѣмъ, трудно дышать, задыхаешься. Вотъ немного откроешь одѣяло, но какъ только засыпаешь, чувствуешь, что морозъ щиплетъ носъ. Просыпаешься и не можешь открыть глазъ, вѣки смерзлись, отъ дыханія лицо покрылось инеемъ и приподнятый край одѣяла затвердѣлъ какъ древесная кора... Потомъ привыкаешь къ этимъ ночевкамъ. Впрочемъ, въ равдужныхъ урасахъ ламутовъ и тунгусовъ не лучше.

26-го Ноября вечеромъ мы наконецъ пріѣхали въ юкагирскій поселокъ Нелемное на р. Ясачной. Съ какимъ удовольствіемъ я ѣхалъ съ послѣдней ночевки на сѣндухѣ! Сначала звѣзды все казались искрами, вылетающими изъ трубы камелька. Сквозь

морозный туманъ звѣзды кажутся красными, а когда показались настоящія искры, я ужъ не вѣрилъ, думая, что это все тѣ же обманчивыя звѣзды. Повѣрилъ только тогда, когда я увидѣлъ юкагирскіе зимніе срубы.

Трудно описать удовольствіе, которое испытываешь послѣ такой дороги въ домѣ, какой бы онъ не былъ, передъ пылающимъ огнемъ камелька.

Закончу свое сообщеніе описаніемъ юкагирскихъ письменъ на берестѣ—шангар-шорилэ, т. е. письмо на кожѣ дерева.

Если по физическимъ свойствамъ современнаго юкагира трудно выдѣлить въ особый отъ тунгусо-ламутской вѣтви монгольской расы типъ, то его духовная культура—языкъ, вѣрованія, народное творчество и общественный строй указываютъ на его родство съ древними народностями сѣверо-восточной Азіи и племенами сѣверо-западныхъ береговъ Америки. Доказательствомъ такой связи могутъ также служить юкагирскія письмена, весьма похожія на рисунки чукочъ, чертежи эскимосовъ и іероглифическое письмо сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.

Теперь юкагирское письмо находится уже въ упадкѣ. Сохранилось оно только у Ясачныхъ и Коркодонскихъ юкагировъ. Тундренные и Нижнеколымскіе юкагиры объ нихъ теперь не знаютъ.

Полагаютъ, что средство для передачи другъ другу своихъ мыслей, кромѣ какъ устной рѣчью, которой можно пользоваться лишь въ непосредственныхъ сношеніяхъ, было найдено первобытными народами послѣ развитія языка. Мнѣ кажется, что зачатки письменнаго и звукового выраженія мыслей и чувствъ могли зародиться одновременно. Даже въ животномъ мірѣ мы видимъ зародыши письменъ. Слѣдъ ведетъ волка къ оленю. Послѣдній своими ногами сообщаетъ первому о томъ, что онъ прошелъ и по какому направленію пошелъ. Въ жизни первобытнаго охотника то, что животныя пишутъ своими ногами, имѣло важное значеніе и слѣдъ могъ быть прототипомъ письма. Значеніе «слѣда» у такого охотничьяго племени какъ юкагиры отразилось также въ языкѣ. Въ юкагирскомъ языкѣ каждый глаголъ имѣетъ 3 спряженія. Одно изъ этихъ спряженій, названное мною очевиднымъ, выражаетъ дѣйствіе, о совершеніи котораго заключается по его слѣдамъ: напр., если въ лѣсу по слѣдамъ вы узнали, что тамъ былъ такой-то человѣкъ и, придя

домой, вы хотите объ этомъ сообщить домашнимъ, то по-русски вы должны сказать: по слѣдамъ видно, что такой-то былъ въ лѣсу, а по-юкагирски вы это выражаете однимъ словомъ, отличающимся отъ обыкновенной формы глагола «былъ» только суффиксомъ läл, такъ что мы видимъ, что даже формы языка находятся въ зависимости отъ «слѣда». Такимъ образомъ слѣдъ могъ служить образцомъ для употребленія сознательныхъ знаковъ при сношеніи людей на разстояніи. Но знаки эти въ началѣ были простымъ изображеніемъ выражаемаго имъ предмета или понятія и точность изображенія была тѣсно связана съ искусствомъ. Юкагирскія письмена можно раздѣлить на картинное письмо, черченіе картъ кочевокъ по рѣкамъ и на письмо съ условными изображеніями людей при любовной перепискѣ.

Русское письмо или печатное въ книгѣ юкагиры называютъ однимъ и тѣмъ же именемъ—шорилэ. Изъ этого видно, что своему письму и русскимъ знакамъ они придаютъ одинаковое значеніе.

Образчикъ картиннаго юкагирскаго письма представляетъ чертежъ *A* (см. Приложеніе III). На устьѣ Коркодона мы должны были найти промышленниковъ, но, вмѣсто нихъ мы нашли на деревѣ берестяное письмо. 1—рѣка Коркодонъ, 2—притокъ его Разсоха. Среднія линіи между берегами рѣкъ означаютъ направленіе пути. Весной Коркодонскіе юкагиры, имѣя 3 урасы, въ которыхъ помѣщались четыре семейства, поднялись съ устья Коркодона вверхъ по рѣкѣ. По дорогѣ. на л. берегу. у нихъ умеръ человѣкъ: нарисована могила на такомъ мѣстѣ, гдѣ раньше не было никакихъ могилъ. Кромѣ того мои спутники сейчасъ же сказали, кто именно умеръ. Нѣсколько выше могилы всѣ 3 дома остановились для промысла. Потомъ разъѣхались. Два семейства (на это указываютъ два карбаса съ гребными и рулевыми веслами) съ одной урасой и двумя промышленниками (на это указываютъ двѣ вѣтки съ однимъ. среднимъ. двулопастнымъ весломъ) впереди, поѣхали назадъ и поднялись по Разсохѣ. Другіе 2 семейства съ двумя шатрами и четырьмя вѣточниками-промышленниками поплыли еще выше по Коркодону. Мои спутники конечно узнали какія именно семейства поѣхали по Разсохѣ и какія по Коркодону, т. к. у нихъ была кожанная покрышка дома того семейства. которое помѣстилось въ чужомъ домѣ. Ко времени полученія письма, т. е. осенью, всѣ семейства по обыкновенію снова собрались на Разсохѣ. Это письмо только указывало, какъ Коркодонцы кочевали лѣтомъ.

Такъ сообщаются юкагиры, когда они расходятся по разнымъ рѣчкамъ. На обратномъ пути каждая группа находитъ и оставляетъ для другихъ на устьѣ рѣки письмо съ указаніемъ, куда какое семейство кочевало, гдѣ оно въ данное время находится и какія особыя событія случились.

Чертежъ *Б* (см. приложеніе IV) представляетъ карту кочевокъ, районъ, т. е. рѣки, по которымъ Коркодонцы кочуютъ. 1—Колыма. 2—Коркодонъ. 3—Разсоха. 4—осенній заѣздокъ на Разсохѣ. 5—осенній заѣздокъ на Коркодонѣ. 6—лѣтнія и осеннія урасы. 7—зимники Коркодонскихъ юкагировъ. 8—ураса и зимникъ объюкагирѣвшаго ламута Шадрина. 9—рѣчка Столбовая, противъ устья которой стоитъ скалистый островъ Столбовой. Ураса Шадрина находится осенью на устьѣ Столбовой, которую онъ перегораживаетъ, а зимній срубъ близко отъ устья Коркодона; 10—р. Заимчанъ, 11—р. Балыгычанъ, 12—р. Буюнда, 13—юрты якутовъ переселенцевъ изъ Якутскаго округа. 14—домъ прикащика приамурскаго товарищества, доставляющаго товары черезъ Олу (въ Охотскомъ морѣ) на Колыму.

Юкагиры, разумѣется, наносятъ на карту только тѣ мѣста, которыя они сами видѣли и хорошо знаютъ, но въ своихъ чертежахъ они обнаруживаютъ сознательное представленіе о взаимномъ расположеніи рѣкъ, озеръ, горъ небольшаго участка земли, имъ знакомаго и знаніе странъ свѣта. Такимъ образомъ эти чертежи маршрутовъ можно разматривать какъ зародыши географическихъ картъ.

Россійское государство юкагиры называютъ Пугуданиджедэмул, что значитъ: островъ Солнечнаго господина, т. е. государя. Это представленіе о земляхъ входящихъ въ составъ Россійской Имперіи весьма близко подходитъ къ понятію древнихъ грековъ объ обитаемой землѣ, какъ объ островѣ.

Чертежъ *В* (см. приложеніе V) представляетъ собой образчикъ любовнаго письма. Тутъ каждая фигура, похожая на сложенный зонтикъ, изображаетъ человѣка уже въ извѣстной степени условно, хотя внутреннія двѣ линіи замѣняютъ ноги, наружныя—руки, а точки—суставы ногъ и части туловища. Пунктирной линіей сбоку (при ф. *а* и *б*), изображающей косу, отмѣчаютъ женщину. Содержаніе этого письма, полученнаго *в*, таково: надъ *в* фигура похожая на шляпу изображаетъ неполный домъ, покинутый, т. е. *в* уѣзжаетъ. Отъ двухъ женскихъ фигуръ, *а* и *б*, умъ или желаніе направляется къ *в*, но послѣдній слишкомъ крупная особа

для юкагирскихъ дѣвушекъ, составлявшихъ это письмо и самихъ себя изображавшихъ. «Умъ» ихъ останавливается въ пути и, не рѣшаясь дойти до назначенія, долго кружится на одномъ мѣстѣ и поворачиваетъ назадъ. «Умъ» *б* въ видѣ утѣшенія, но съ нѣкоторыми колебаніями, направляется къ фигурѣ *д* и соединяется съ нимъ узами любви, прочность которой доказывается двумя діагоналями, связывающими фигуры *б* и *д*. «Умъ» же *а* съ бо́льшими колебаніями направляется къ фигурѣ *г*, но связь между *а* и *г* уже менѣе прочна. Этимъ письмомъ *а* и *б* хотѣли засвидѣтельствовать уѣзжавшему *в* свою любовь и то, что онѣ не посмѣли признаваться въ ней, и какія изъ этого объстоятельства вышли комбинаціи.

Всѣ Шангаршорилэ пишутся кончикомъ ножа и надо удивляться, какія правильныя и тонкія прямыя юкагиры выводятъ столь своеобразнымъ перомъ.

Карту маршрутовъ (см. приложеніе VI).

Отдѣльные оттиски изъ „Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“, томъ XXXIV, вып. 3.

Типографія В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8-я лин., № 45).

(290)

Фасъ.

Профиль.

Спиридоновъ. Шалугинъ.

Юкагиры съ р. Ясачной.

„По рр. Ясачной и Коркодону“ В. И. Іохельсона. тип. ед. гопле.

Фасъ.

Профиль.

Двѣ молодыхъ дѣвушки-юкагирки съ р. Ясачной.

„По рр. Ясачной и Коркодону“ В. И. Іохельсона. тип. ед. гоппе.

Чертежъ А.

Юкагирскія письмена.

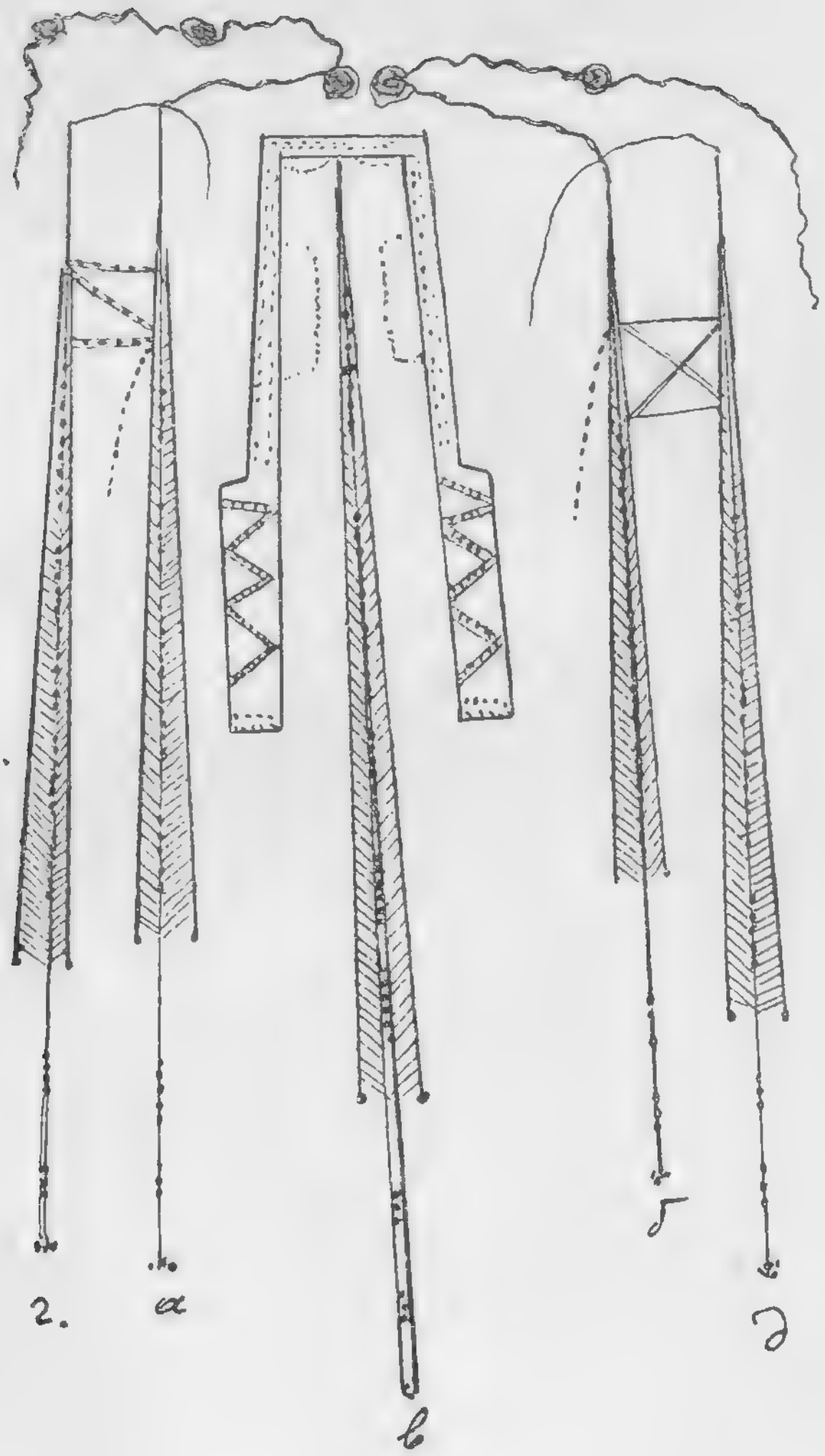
тип. вд. госпе.

Чертежъ Б.

Юкагирскія письмена.

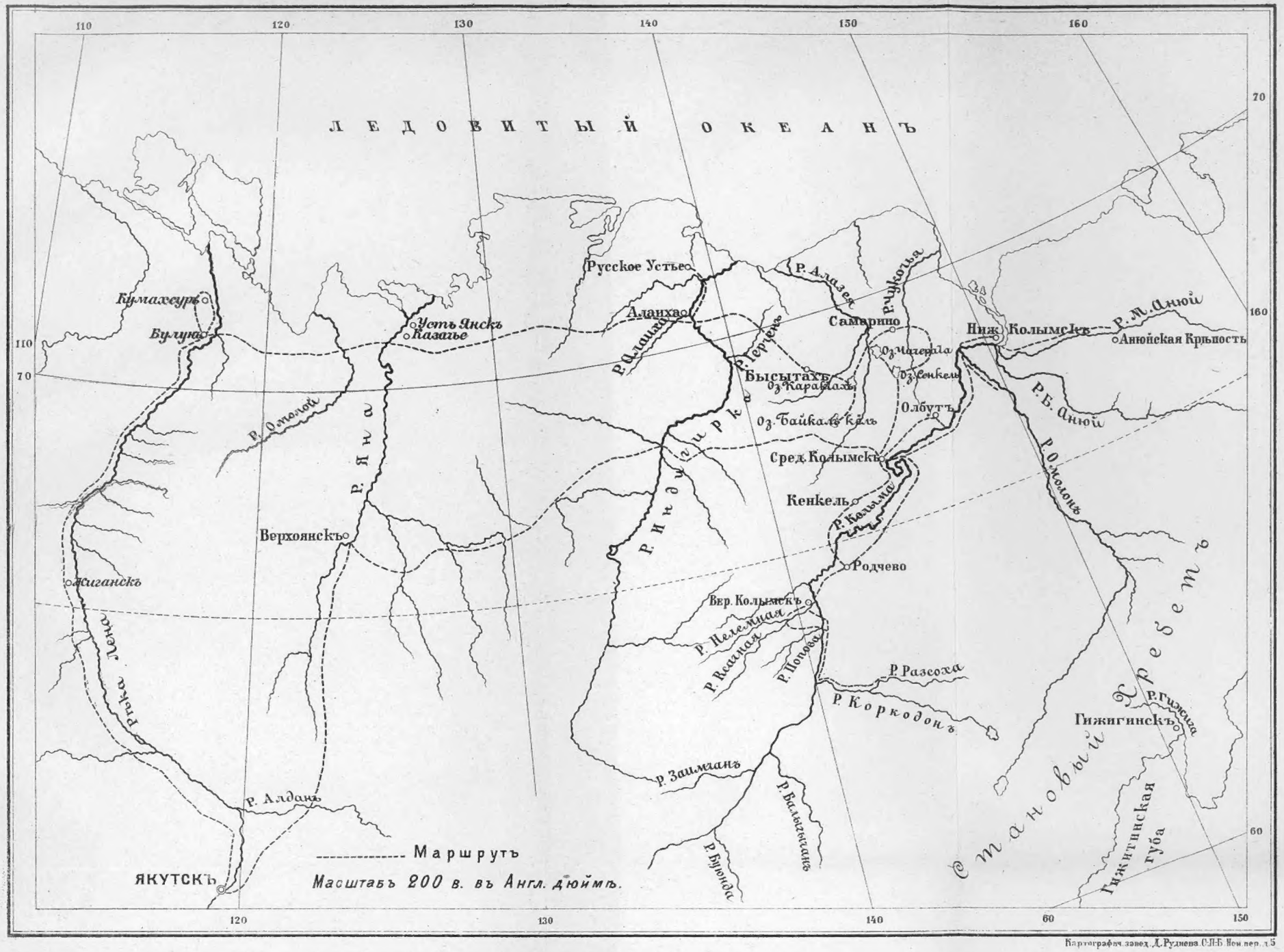
тип. эд. голпе.

Чертежъ B.

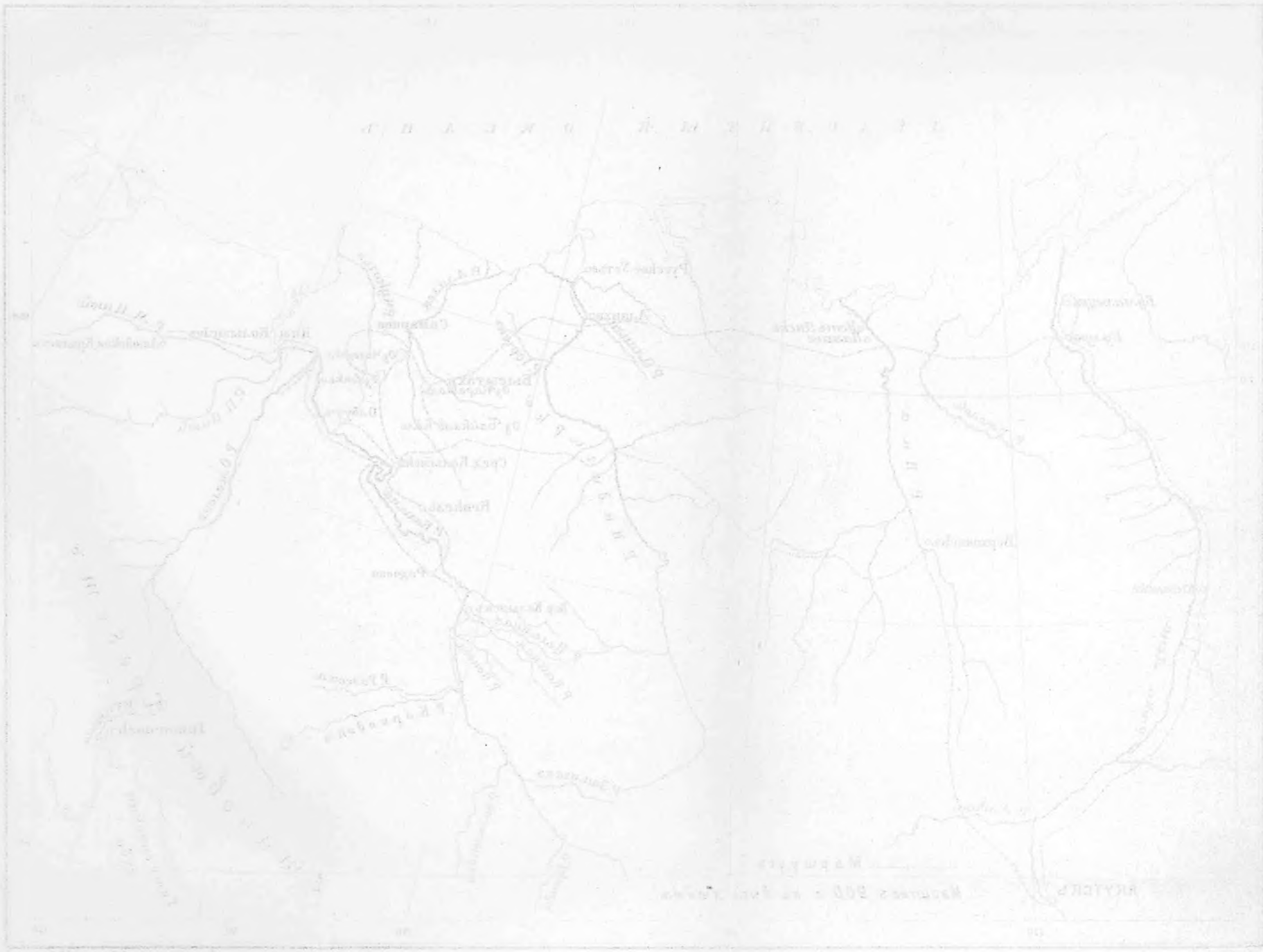


Юкагирскія письмена.

тип. эд. гоппе.



Примѣчаніе. Названія нѣкоторыхъ якутскихъ урочищъ, состоящихъ изъ 2—3 юртъ напечатаны на картѣ болѣе крупнымъ шрифтомъ (Кенкель, Самарино, Бысытахъ), чѣмъ настоящія селенія (Устьянскъ, Казачье и Булунъ). Указанныя урочища ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ другихъ якутскихъ урочищъ по линіи маршрута. Самарино отмѣчено, какъ пунктъ на границѣ лѣсовъ. Кенкель — для указанія горной дороги, и Бысытахъ — какъ послѣднее якутское урочище (2 юрты) Колымскаго округа. Отъ него до Алаихи якутовъ нѣтъ. Болѣе значительные якутскіе поселки суть Родчево и Олбутъ.



М.2 И
3 75-П